

Дарья Донцова

Али-Баба и сорок разбойниц

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Али-Баба и сорок разбойниц

«ЭКСМО»

2003

Донцова Д. А.

Али-Баба и сорок разбойниц / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2003 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

«Моя жена – ведьма!» – заявил новый клиент детективного агентства «Ниро» Кирилл Потворов. Да, у этого парня большие проблемы с головой, не сговариваясь, решили хозяйка агентства Элеонора и ее бессменный секретарь Иван Подушкин. Теперь нужно как-то избавиться от сумасшедшего. Но сделать это оказалось не так-то просто. Кирилл соглашается покинуть квартиру Норы, только если Иван поедет с ним в загородный дом, где теперь живет жена Кирилла Аня со своим любовником-бизнесменом. Как и предполагали сыщики, у парня оказались не все дома... Возвращаясь домой, Иван попадает в аварию, сбив то ли девушку, а то ли видение. Выбравшись из покореженной машины, Иван так и не нашел тело незнакомки. Но уже на следующий день он понимает, что девушка ему не привиделась. Именно ее портрет он узрел в газете, а ниже шла подпись: «В декабре прошлого года ушла из дома и не вернулась...»

© Донцова Д. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья Донцова

Али-Баба и сорок разбойниц

Глава 1

– Моя жена – ведьма!

Я постарался скрыть усмешку и сделал вид, что сосредоточенно листаю блокнот, в котором веду записи. Элеонора хмыкнула:

– Эка невидаль! Да половина баб ведьмы!

Мужчина, сидевший в кресле напротив моей хозяйки, покачал головой.

– Вы меня не так поняли. Моя не в фигуральном смысле, она – настоящая колдунья.

– Варит суп из жабы и летает на метле? – развеселилась Нора.

– Да, – кивнул тот, – именно так!

Я со вздохом отложил блокнот. Все понятно, к нам опять явился сумасшедший. Просто удивительно, сколько ненормальных людей проживает в огромном мегаполисе. Выйдешь на улицу, окунешься в толпу – вроде ничего, прохожие выглядят совсем обычно, никто не выскакивает из дома голым, не кривляется... А начнешь с ними разговаривать, и становится понятно: почти все со странностями или, как говорит моя матушка Николетта, с тараканами в голове. Вот и наш посетитель сначала произвел на меня самое приятное впечатление. Открыв дверь, я увидел человека лет тридцати, может, чуть моложе, в джинсах, пуловере, с барсеткой в руках.

– Детектив Элеонора тут проживает? – спросил он.

Я посторонился.

– Проходите, пожалуйста, Элеонора в кабинете, вы записаны на прием?

Гость кивнул:

– Да, я вчера звонил по телефону и беседовал с ее секретарем Иваном Павловичем Оде-яловым.

Я улыбнулся:

– Подушкиным. Разрешите представиться: Иван Павлович Подушкин!

– Простите, бога ради! – воскликнул вошедший.

– Ничего страшного!

– Меня зовут Кирилл.

– Очень приятно, – кивнул я.

Пару минут мы толкались у вешалки, обмениваясь церемонными любезностями. Кирилл выглядел как человек моего круга, я хочу сказать, что он не станет сморкаться при дамах в скатерть.

Мы прошли к Норе в кабинет, уселись, и хозяйка спросила:

– Что привело вас к нам?

И тут Кирилл мгновенно выдал:

– Моя жена – ведьма!

Надеюсь, он не начнет сейчас швыряться предметами? Очевидно, Элеоноре в голову пришла та же мысль, потому как она быстро переставила подальше от психопата тяжелую бронзовую фигурку, изображающую лучника. Сей предмет хозяйке на день рождения преподнесла наша домработница. Уж не знаю, чем Ленке понравился этот монстр. Теперь Элеонора, которая при всей своей внешней грубости обладает тонкой душевной организацией, вынуждена держать это чудовище на своем письменном столе. Одно хорошо: если кто-то нападет на Нору, фигурку можно будет использовать в качестве дубинки, чтобы отбиться.

– Моя жена – самая что ни на есть настоящая ведьма, – тупо повторил Кирилл, – она заставила меня такое проделать!

Элеонорино лицо приняло самое сладкое, самое участливое выражение, и она спросила:

– Уважаемый Кирилл... о... простите, вы не назвали свое отчество.

– Не надо, – отмахнулся клиент, – можно просто по имени.

– Кирилл, вам следует обратиться к священникам или к экстрасенсам, – выпалила Нора, – эти люди умеют обходиться с колдунами!

Я мысленно ей заплодировал. Молодец, с сумасшедшим надо вести себя как с нормальным человеком, иначе быть беде. Кирилла нужно во что бы то ни стало выпроводить из нашей квартиры, я, честно говоря, слегка побаиваюсь людей, способных на неадекватные поступки.

– Меня прислал к вам Олег Семенов! – заявил Кирилл. – Он уверял, что вы можете справиться с любой ситуацией! А ваш Одеялов даже полено уговорит в печь прыгнуть! Верните мне мою жену!

– Подушкин, – машинально поправил я умалишенного, но он не обратил на это внимания.

– Верните мою жену, – забубнил он, – верните!

Элеонора, сверкая улыбкой, попыталась справиться с ситуацией.

– Кирилл, мы с Иваном Павловичем, к сожалению, не являемся специалистами по ведьмам.

– Приведите Аню назад, – бормотал Кирилл, лицо его побледнело, губы посинели.

Я посмотрел на телефон. Может, вызвать психиатрическую перевозку? Элеонора, очевидно, страшно разозлилась. На ее лице по-прежнему сияла улыбка, но она скорее напоминала гримасу, в глазах метались искры. Да, похоже, как только мы избавимся от докучливого посетителя, Нора моментально соединится с Олегом Семеновым, своим бывшим сотрудником, а теперь весьма удачливым, состоятельным бизнесменом, и оторвет парню голову. И правильно сделает! Зачем отправлять к ней психов?

– Кирилл, – завела было Нора.

Но клиент прервал ее:

– Я не уйду отсюда, пока вы не вернете мою Аню! Не уйду!

В его голосе зазвучали бабские, истерические нотки. Я струхнул окончательно. В квартире, кроме меня, – две женщины. Элеонора, которая сидит в инвалидном кресле, и кухарка, она же горничная, Ленка. Ни та, ни другая не способны оказать сопротивления. Я тоже отнюдь не штангист, ничего тяжелее книги давным-давно в руках не держу. Если этот Кирилл сейчас начнет размахивать кулаками, как быть? С одной стороны, я обязан защитить женщин, с другой... Я никогда не дрался, даже в детские годы предпочитал решать конфликты вербально. Мой отец, писатель Павел Подушкин...

– Иван Павлович, – вернула меня к действительности Нора, – сделай одолжение, принеси Кириллу чай.

Я быстро встал. Понятно, Нора хочет, чтобы я вызвал милицию. В нашей квартире везде, даже на кухне, есть телефонные трубки.

– Сидеть! – рявкнул Кирилл. – Я не хочу пить!

Я плюхнулся в кресло. Однако дело плохо, клиент становился агрессивным.

Нора побарабанила пальцами по столу.

– Хорошо, – неожиданно заявила она, – мы возьмемся за ваше дело. Вы сейчас успокойтесь и попытайтесь максимально подробно рассказать о своей проблеме.

Кирилл обмяк, его большое тело «стекло» в кресле, кулаки разжались, лицо расслабилось.

– Моя жена – ведьма, – опять прошептал он.

Нора закивала головой:

– Конечно, дружок, мы это уже поняли!

Мне неожиданно стало смешно. Элеонора разговаривает сейчас таким тоном, который я, живущий с ней в одном доме много лет, слышу впервые. Так педагог-психолог разговаривает с ребенком-дебилом: «Петечка, ты не наделал в штанишки? Правильно, дружок, молодец!»

Но Кирилл не заметил ее странного тона.

– Я сейчас все вам расскажу!

– Да, да, – кивнула Нора.

– В мельчайших деталях!

– Естественно!

Кирилл выпрямился и начал рассказ. Чем дольше он говорил, тем больше я убеждался – парень натуральный псих, с диагнозом. История, изложенная нашим гостем, выглядела откровенно идиотской.

До недавнего времени Кирилл Потворов жил вполне счастливо, он имел жену Аню и небольшое собственное дело: авторемонтную мастерскую. Много денег работа не приносила, конкуренция в этом бизнесе большая, сервисов много. Поэтому жила семья напряженно, ничего лишнего себе не позволяя: одевались незатейливо, питались просто и ездили на обычной «шестерке». Многие ведут подобный образ жизни – и ничего, плодят детей, воспитывают их. Кирилл тоже хотел сына или, на худой конец, дочку, но Аня категорически отказывалась рожать, мотивируя свое нежелание просто – незачем нищету плодить.

Сначала Кирилл принимал ее слова за чистую монету, потом понял: это тещина работа. Мать Ани, баба Катя, постоянно жила в деревне, но частенько наезжала к дочери в гости. Зятя она ненавидела, считала неудачником, голью перекатной и с крестьянской простотой, которая, как известно, хуже воровства, заявляла:

– Эх, Анька, говорила я тебе, выходи замуж за Мишку Консова. А ты, дура, ломалась: мол, кривоногий он и роста нет. Ну и что вышло? Мишка теперь, хоть едва выше табуретки, миллионами ворочает. Матери в селе двухэтажный каменный дом отгрохал, сам на иномарке катается, жена в шубе разгуливает, а ты... ну какой толк, что у Кирилла рост под два метра? С воды на квас перебиваетесь. А ведь Мишка по тебе долго сох!

После таких заявлений Аня уходила плакать в ванну, а у Кирилла просто чесались руки, так хотелось дать любимой тещеньке в нос. Останавливало лишь одно: мама Кирилла, покойная Елизавета Михайловна, никогда бы не одобрила подобного поведения сына.

Впрочем, имелись у бабы Кати и положительные качества. Она была знахарка, умела заговаривать грыжу, вправлять кости, лечила травами. Когда Кирилл подцепил какую-то непонятную заразу, вроде желудочного гриппа с высокой температурой, теща мигом поставила его на ноги, заварила какие-то сухие корешки, завалила его одеялами, под них сунула свою кошку Муську, и наутро от болезни не осталось и следа.

К бабе Кате бегала лечиться не только родная деревня, приходили из соседних сел, приезжали даже из Москвы. У тещи водились денежки, и она подсовывала дочери копеечку. Аня никогда не тратила полученное на семью, покупала подарки себе. Один раз Кирилл обозлился и сказал:

– Слышь, Ань, у меня зимних сапог нет, в полуботинках по снегу хожу, а ты себе кольцо приобрела!

Аня фыркнула:

– И что? Не твои деньги потратила. Мне мама дала.

А еще теща привозила банки с соленьями, вареньем и компотом, снабжала «молодых» картошкой, морковью, свеклой, осенью приволакивала домашнюю тушенку и мясо кабанчика. В общем, отношение Кирилла к теще нельзя было назвать однозначным. С одной стороны, баба Катя не давала им с Аней помереть с голоду, одевала дочь. С другой, у Кирилла просто скулы сводило от злости, когда он в очередной раз видел на пороге старуху, обвешанную торбами.

Потом баба Катя умерла. Кирилл по ней не убивался, наоборот, даже обрадовался. Избу тещи и принадлежавшие ей сорок соток земли можно было хорошо продать, а вырученные деньги вложить в умирающий авторемонтный бизнес. Но Аня от дома избавляться не разрешила, стала проводить там все свободное время, и скоро Кирилл понял: жена знает многие секреты своей матери. Аня начала собирать травы, варить всякие зелья. Теперь лечиться ходили к ней. Вскоре Аня обзавелась большим количеством клиентов, а автомастерская Кирилла скончалась. Жена зарабатывала деньги, муж лежал на диване, щелкал пультом от телевизора и периодически устраивал скандалы, чтобы супруга помнила, кто в доме хозяин.

Потом ему самому откровенное безделье надоело, и Кирилл начал искать работу. Приятель предложил ему заняться перегонном из Германии автомобилей. Кирилл согласился и пару раз вполне нормально скатался туда-сюда. Но потом случилась неприятность. Возле небольшого городка в Польше у него отняли машину и все деньги.

Как Кирилл добирался до дома – отдельная сага. Но когда он наконец очутился в родной квартире, на него навалилось новое несчастье. От Кирилла потребовали всю сумму за украденную иномарку, огромную, просто невероятную для мужика, не имеющего стабильного дохода.

Кирилл впал в панику.

– Не можешь отдать наличкой, переписывай на меня квартиру, – потребовал приятель, отправивший его в Германию, – дружба дружбой, а табачок врозь.

И тут за дело взялась Аня. Она, последнее время не проявлявшая к мужу особой нежности, решила проблему шутя.

– Не нервничай, – сказала супруга, – у меня есть клиент, очень богатый человек, ему эти тридцать тысяч как тебе десять копеек. Он даст в долг.

– Отдавать-то как?! – окрылся Кирилл.

Но Анечка не стала рассуждать на эту тему, а просто привела своего знакомого по имени Андрей. Тот согласился дать займы и сразу выложил на стол три пачки стодолларовых купюр, перехваченные резинками. Кирилл уставился на деньги, протянул руку, потом отдернул ее и поинтересовался:

– Процент какой?

– Никакой, – усмехнулся Андрей, – и расписки не надо, забирай так.

Кирилл насторожился. С чего бы этот Андрей такой добрый?

– Отдать-то я скоро не сумею, – пробормотал Потворов.

– И не надо.

– Как?

Андрей пожал плечами:

– Разбогатеешь – вернешь!

Кирилл окончательно растерялся. Чтобы человек просто так отстегнул огромную сумму? Андрей широко улыбнулся:

– Деньги дам при одном условии...

– Каком?

– Ты мне свою жену отдашь, на год.

Кирилл с трудом переварил услышанное.

– Жену? На год? Аню?

– Да.

– Зачем?

Андрей засмеялся:

– Нравится она мне. Беру ее в аренду за тридцать тысяч баксов!

У Кирилла голова пошла кругом. Такого поворота событий он не ожидал.

– Никогда, – вырвалось у Потворова.

– Ты подумай, не торопись, – предостерег его Андрей, – хорошая цена за подержанную бабу.

– Давайте чайку попьем, – засуетилась Аня, – с домашним вареньем.

Ощущая себя полнейшим идиотом, Кирилл сел за стол с «арендатором», отхлебнул машинально пару глотков из чашки... Мозг заволокло туманом, ситуация перестала казаться ему гротескной. Тридцать тысяч вот они, рядом, а Аня всего-то на год переселится к Андрею.

Кирилл допил чай и пробормотал:

– Хорошо.

Дальнейшее он помнит смутно. Вроде Андрей подsunул ему какие-то бумажки на подпись. Очнулся Потворов утром, в квартире было пусто. На столе лежали тридцать тысяч баксов и Анины ключи. Кирилл подошел к шкафу, раскрыл его. Внутри висела только его одежда, шмотки жены испарились, ее косметика и различные мелочи тоже. У Кирилла в голове гудело так, словно он вчера выпил не меньше литра водки. И тут затрезвонил телефон. Потворов схватил трубку и услышал голос своего работодателя:

– Ну что? Решил? Отдаешь квартиру?

– Приезжай за деньгами, – прохрипел Кирилл.

Потом он на целый месяц ушел в запой, очнулся лишь неделю назад и испугался. Из дома испарилась вся бытовая техника: холодильник, телевизор, стиральная машина, даже утюг. Не имея денег на водку, Кирилл продал все. Самое интересное, что он совершенно не помнил, каким образом производил обмен вещей на «огненную воду».

Еще десять дней понадобилось ему на то, чтобы привести себя в божеский вид: отмыться и отдохнуть. И только потом до Кирилла дошло – он не виноват! Это все Аня, ведьма! Она ему что-то в чай подлила!

Кирилл замолчал. Я попытался переварить услышанное. Надеюсь, теперь и вам стало понятно, что парень просто сумасшедший, мужчинам свойственно винить во всем, что с ними случилось плохого, жен, но ведь не до такой же степени!

– И что же вы от нас хотите? – осторожно полюбопытствовала Элеонора.

Кирилл повернул ко мне бледное лицо с красными, неровными пятнами на щеках.

– Пусть он поедет со мной к Ане и велит ей вернуться домой.

Я хотел было возразить. Большей глупости в своей жизни не слышал. Во-первых, сама ситуация со сдачей жены в аренду выглядит словно дурной анекдот. Во-вторых, если все сказанное правда, то каким образом я сумею повлиять на ход событий? Уговор-то дороже денег! Взял тридцать тысяч долларов – выполняй условие.

– Кирюша, – ласково пропела Нора, – так хочется вам помочь! Дайте телефон Ани. Иван Павлович ей сейчас позвонит, она сюда приедет...

– Я его не знаю, – буркнул Кирилл, – у меня есть только адрес! Пусть ваш секретарь со мной едет! Прямо сейчас, иначе...

Красные пятна с его щек поползли на шею, в глазах заплескалось безумие.

– Хорошо. – Нора предприняла последнюю попытку избавиться от Кирилла: – Сейчас Иван Павлович сопроводит вас. Идите пока, грейте машину.

– Я пешком, – заявил посетитель, – тут подожду, пока Одеялов оденется.

Не было никакого смысла в третий раз сообщать больному, что я Подушкин. В комнате повисло растерянное молчание. Нора явно не знала, как поступить.

– Ну и чего? – прервал тишину Кирилл. – Мы едем?

Я встал. В конце концов, в нашем доме проживает лишь один мужчина, и ему следует избавить женщин от стресса.

– Пойдемте.

Кирилл покорно двинулся в коридор, я за ним.

– Ваня, – прошептала Нора.

Я обернулся.

– Ты куда? – тихо поинтересовалась хозяйка.

– Думается, он сбежал из поднадзорной палаты, – так же шепотом сообщил я, – доставлю несчастного к жене, пусть она с ним разбирается. Если с Кириллом не спорить, он не опасен.

Глава 2

Мы сели в мои «Жигули». Не так давно я обзавелся «десяткой» и должен заметить, что она нравится мне больше, чем «шестерка» и «восьмерка».

– Ну, говорите адрес, – бодро воскликнул я, – вмиг домчу.

– Поселок Нистратово, – вяло проронил Кирилл.

– Где же это такой? – удивился я.

– По МКАД, – принялся объяснять Потворов, – недалеко, километра нет от Окружной!

Я посмотрел на улицу, там мел вьюжный февраль. Снег летел клочьями. Несмотря на то что было всего пять часов дня, вокруг сгущались сумерки. Дорога была похожа на тарелку с остатками несъедобного молочного киселя, повсюду белые холмики и очень скользко. Сами понимаете, какое удовольствие от езды должен получить шофер в подобной ситуации. А еще если учесть, что рядом сидит ненормальный...

– Трогай, – тихим голосом велел Кирилл, – чего кота за хвост тянуть.

Я мысленно перекрестился и включил первую передачу. Дорога оказалась ужасной. Странное дело, если с неба сыплет снег, дорожная техника испаряется. «Десятку» все время заносило, и я радовался, что она «обута» в хорошую, шипованную резину.

Кирилл молчал; чтобы хоть как-то разрядить обстановку, я включил «Русское радио». «Неужели розу чайную выпьет кто-нибудь за нас...» – мгновенно заорали два голоса, проникающие в уши, словно раскаленные гвозди в масло. Вижу, как сейчас многие из вас скривились: фу... «Русское радио», попса! Я согласен, музыка, звучащая на этой волне, не самого лучшего качества. Да еще я, закончивший Литературный институт, имею глупую привычку вслушиваться в тексты песен. А вот этого делать не надо, потому как от них просто оторопь берет. Наверное, их никто, кроме меня, и не разбирает. Но, с другой стороны, куда деваться человеку, который по несколько часов в день проводит за рулем? Блатной фольклор я не люблю, поэтому «Шансон» отпадает, «Лав радио» раздражает до зубовного скрежета, оно рассчитано на тинейджеров, остро переживающих первое чувство. На «Эхе Москвы» слишком много говорят, «Наше радио» вечно глупо шутит, а однажды, случайно поймав «Маяк», я чуть не заснул от скуки. Там шла передача с идиотским названием «Звездная гостиная», и девица с писклявым голосом приставала к никому не известному писателю с оригинальным вопросом:

– Расскажите о ваших творческих планах.

Так что «Русское радио» – еще не самый худший вариант. Впрочем, я давно хочу купить кассеты и слушать в машине классику. Но все руки не доходят.

– Здесь налево, – внезапно ожил Кирилл.

Я послушно повернул. Дорога вилась через лес, вокруг не было видно никакого жилья – ни деревень, ни отдельных избушек. Я засомневался и спросил:

– Мы правильно едем?

– Да, – буркнул Кирилл и уставился в боковое окно.

– Вы уверены?

– Да, – с легкой агрессией в голосе подтвердил спутник.

Мне стало не по себе. Кирилл ненормальный, это ясно. Непонятно, куда он меня тащит. Кажется, я сглупил, согласившись везти его в незнакомое место.

– Направо, – велел пассажир.

Мы проехали еще метров сто и уперлись в железные ворота, выкрашенные темно-зеленой краской.

Кирилл вылез и нажал на кнопку домофона. Я испытал острейшее желание включить заднюю скорость и смыться отсюда как можно скорей. Остановило меня лишь одно соображение. Кирилл был одет не по сезону – в тонкую курточку пронзительно оранжевого цвета,

которая не могла защитить его от февральской стужи, на голове у него сидела бейсболка с большим козырьком. За воротами же было темно и тихо. Если я брошу этого психа тут одного, он попросту замерзнет.

Вдруг из домофона раздался искаженный голос:

– Кто там?

И тут Кирилл поразил меня, он натужно закашлялся и прохрипел:

– Я.

– Кто? – настаивал голос.

– Открывай скорей, – ответил Кирилл.

– Я машину вашу не знаю.

– Да я это, я, – кашлял Кирилл, – не узнаешь? Не томи! Околел весь.

Ворота лениво, словно нехотя стали открываться. Я въехал во двор и увидел большой добротный дом. Светло-бежевые стены, крыша из темно-коричневой черепицы. Оконные рамы и входная дверь такого же цвета. Никаких новорусских башенок, барельефов из жизни древних греков и колонн. Если представить на секунду, что у меня есть деньги на загородный особняк, то мой дом внешне выглядел бы, наверное, так же.

Кирилл быстрым шагом поднялся на крыльцо, я за ним, мы вошли в просторную прихожую. Справа и слева высились шкафы, похоже, из массива дуба. Около небольшого столика стоял мужик лет тридцати пяти в синих джинсах и коричневой водолазке. Увидев Кирилла, он очень удивился:

– Ты как сюда попал?

– Я приехал за Аней, причем не один! Имей в виду, он из милиции, – быстро соврал Кирилл, – знаешь, что будет, если их сотрудник пропадет? Да здесь камня на камне не оставят!

Мужик равнодушно пожал плечами:

– У меня нет никакого повода бояться милиции. Пройдемте в кабинет.

Он повернулся и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Через пару минут мы оказались в просторной комнате, и я впервые в жизни почувствовал укус зависти.

Говорят, что завистливые люди амбициозны, что они, желая утереть нос окружающим, добиваются успеха в жизни. Я никогда не испытывал этого чувства при виде «Мерседеса», который купил себе Никита Васильев, или при взгляде на Наташу Малахову, жену Кости. Мало того, что она красавица, умница, зарабатывает большие деньги и обожает Костика. Так Наташа еще дочь очень богатых родителей, их единственная наследница. А наследовать есть что: у них дача в Испании, дом в Подмоскowie, огромная квартира на Китай-городе. Так что Косте завидовали многие, но только не я.

Сейчас же, стоя в кабинете, я тяжело вздохнул. Именно о такой комнате и о таком вот доме я мечтал всю жизнь. Чтобы он был в лесу, а кабинет... Книжные полки из цельного массива дерева тянулись от пола до потолка. Тут небось несколько тысяч томов. Потолок обит деревянными панелями, на полу лежит светло-бежевый ковер, свет льется непонятно откуда. Никаких люстр не видно, лишь на огромном письменном столе приветливо светится лампа. Не дневная или галогеновая, с резким, мертвенным светом, а обычная, под светлым абажуром. Еще тут была удобная мягкая мебель, не кожаная, а велюровая, и весело горел камин. На диване валялся скомканный плед, на маленьком столике лежала трубка и стояла бутылка отличного коньяка в компании с пузатым бокалом. На подушке белела раскрытая, перевернутая обложкой вверх книга. Очевидно, хозяин проводил время в свое удовольствие: наслаждался трубкой, коньяком и читал...

Я скосил глаза на обложку. Плутарх! Я сам люблю этого автора. Однако хозяин дома просто мой двойник, он живет в «моей» комнате, читает «мою» книгу... Правда, есть небольшая разница, очевидно, он, в отличие от меня, умеет зарабатывать деньги, поэтому и сумел

осуществить свои мечты. Я же... ладно, хватит ныть, такого особняка у меня никогда не будет, но трубку, коньяк и Плутарха я вполне способен себе купить.

– Садитесь, – радушно предложил хозяин, – рюмочку?

– Спасибо, я за рулем, – ответил я.

– Верни Аню, – прошипел Кирилл.

Раздались легкие шаги, появилась женщина лет сорока с подносом.

– Где Аня? – не успокаивался Кирилл.

– В ванной, – спокойно ответил хозяин, потом повернулся к горничной: – Анна Николаевна еще не вышла?

– Голову красят, – сообщила та, – минут через сорок появятся.

– Ступай, – велел мужик.

Горничная, опустив глаза в пол, тенью шмыгнула за дверь.

– С места не сдвинусь, пока Аню не увижу! – выкрикнул Кирилл.

– Чайку? – словно не слыша его, предложил хозяин. – Плюшки очень вкусные, Настя – мастерица печь.

– Ты мне зубы не заговаривай, – рявкнул Кирилл, – в чай небось отраву добавил? Одеждов, ничего не пейте, нас хотят усыпить!

Хозяин невозмутимо взял чайник, наполнил свою чашку, сделал пару глотков, потом предложил:

– Минералки хочешь?

– Из закрытой бутылки! – настороженно ответил Кирилл. – Сам пробку открою!

Мужик улыбнулся, встал, открыл большой глобус, стоявший на подставке у балкона, я увидел внутри множество бутылок. Это был бар.

Хозяин вытащил зеленую бутылочку «Перье» и протянул Кириллу:

– Держи.

Ненормальный подозрительно осмотрел емкость и стал откручивать пробку. Неожиданно на пороге вновь обозначилась горничная.

– Принеси бокал, – велел хозяин.

Для меня осталось загадкой, каким образом прислуга поняла, что ей следует появиться в кабинете. Через секунду у Кирилла в руках оказался фарфоровый стакан. Сумасшедший наполнил его водой, жадно выпил, пару секунд посидел на диване, потом вдруг закрыл глаза и захрапел. Вновь откуда ни возьмись появилась служанка. Я удивился, может, у нее телепатическая связь с работодателем?

– Настя, – сурово приказал хозяин, – позови ребят.

– Хорошо, Андрей Павлович, – прошелестела она и испарилась.

Хозяин подошел к столу, взял большое портмоне и, демонстративно держа его в руке, поинтересовался:

– Вы и правда из милиции? Что-то не очень похоже. Служащие МВД выглядят несколько иначе.

– Нет, – ответил я, – я не имею никакого отношения к органам. Разрешите представиться, Иван Павлович Подушкин, ответственный секретарь благотворительного фонда «Милосердие».

В кабинет вошло двое парней, крепко сбитых, тоже в джинсах. Андрей Павлович указал им на Кирилла:

– Действуйте.

Молодые люди легко подхватили тело и без видимых усилий унесли. Тут я запоздало сообразил, что у нас с хозяином одно отчество, мы оба Павловичи.

– Вы приятель Кирилла? – поинтересовался Андрей Павлович. – Я вас почему-то не знаю. Вместе учились? Или жили в одном дворе?

Я почувствовал к нему полнейшее расположение и ответил почти правду:

– Он пришел к нам сегодня и рассказал историю о сданной в аренду жене...

Отчего-то мне не захотелось рассказывать о том, что я являюсь сотрудником агентства «Ниро». И поэтому я представил дело так, будто Кирилл явился в «Милосердие».

Андрей Павлович молча выслушал меня, потом тяжело вздохнул:

– Несчастный человек.

Дверь скрипнула, появилась молодая женщина в черных брючках и ярко-красной кофте. Ее длинные светло-каштановые волосы были слегка влажными.

– Анечка, – ласково сказал хозяин, – ты сядь, послушай, что говорит Иван Павлович!

Я повторил свой рассказ.

– Господи! – воскликнула Аня. – Опять придется его в клинику устраивать.

Я непонимающе смотрел на пару. Андрей Павлович налил мне чаю и предложил:

– Да вы пейте, а я пока введу вас в курс дела.

Я взял чашку. Чай тоже оказался моего любимого сорта, «Лапшанг сусонг». Мало найдется в России людей, которым он придется по вкусу. Все мои приятели, отхлебнув этот напиток, мигом морщатся и недоуменно спрашивают: «Ты что, заварил его водой, в которой мыли рыбу?»

И никакие мои рассказы о том, что «Лапшанг сусонг» готовится особым образом, сушится дымом от дров, обладающих специфическим ароматом, на них не действуют. Не далее как вчера мой лучший приятель Макс, услышав от меня фразу: «Сейчас угощу тебя лучшим чаем на земле», – завопил: «Только не тем, который воняет тухлой воблой!»

– Вам не нравится вкус? – заботливо поинтересовался хозяин.

– Наоборот, это мой любимый сорт, – пробормотал я, – странно, до чего могут быть похожи два человека. Мало того, что у нас одно отчество, так еще и пристрастия одинаковые. Я словно сижу у себя дома. Ей-богу, не знай я своего отца столь хорошо, подумал бы...

Андрей рассмеялся:

– Я тоже сразу почувствовал к вам расположение и удивился, где вы могли познакомиться с Кириллом! Ладно, начнем по порядку.

Я внимательно слушал его речь, очень грамотную, без малейшего признака сленга или простонародных выражений.

– Кирилл – первый муж моей жены Ани, – пояснил Андрей. – Они давно развелись, не я послужил тому причиной, через пару лет после их развода мы с Аней полюбили друг друга, и она переехала ко мне.

У Кирилла нет никаких родственников, мать его закончила свои дни в сумасшедшем доме. Анечка, выходя замуж за Кирилла, понятия не имела о том, что связывает свою судьбу с психически больным человеком. Впрочем, у Кирилла болезнь развивалась медленно, Аня все странности в поведении мужа объясняла его дурным характером. Вскоре она подала на развод. Став свободной женщиной, она осталась с бывшим супругом в одной квартире, ей просто некуда было идти. И только тогда до нее дошло – Кирилл не совсем нормален. Аня обратилась к врачу, психиатр поставил диагноз: шизофрения, ну а потом выяснилась правда про сумасшедшую мать.

Раз в год у Кирилла бывает обострение. Если у обычных шизофреников, простите за дурацкий каламбур, заболевание ужесточается весной и осенью, то Кирилл становится невменяемым зимой, в феврале. В остальное время он ведет себя как нормальный человек, моет машины на автомойке и даже кажется довольным своей судьбой.

– Чего мы только с Анечкой не натерпелись, – качал головой Андрей, – вы и не представляете, какой бред приходит больному в голову!

Аня молча кивнула, она явно чувствовала себя скованно в моем присутствии.

– Заканчивается это всегда одинаково, – продолжал Андрей, – я кладу его в клинику, плачу врачам, через несколько недель Кирилл вполне адекватным выходит из больницы и вновь начинает мыть чужие машины. Любой другой труд ему не под силу, хотя амбиций у парня выше крыши. Честно говоря, он неприятный человек, надо бы плюнуть на него, пусть живет как может, я ему ничем не обязан, но Анечка, добрейшая душа, не способна оттолкнуть больного, вот мы и маемся! Адрес наш ему известен, и, поверьте, ваше появление было не самым неприятным сюрпризом!

Аня снова кивнула.

– Просто ужас, – вздохнул Андрей, – в прошлом году он привез сюда человек десять милиционеров, вооруженных до зубов. Напел им, что его жену похитили и держат тут помимо ее воли. Естественно, мы показали наше свидетельство о браке и решили проблему, но пережили несколько очень неприятных минут. Теперь вот история с вами.

– Я сразу понял, что посетитель не в себе, – заверил я Андрея.

Мы выпили чаю, поговорили о том о сем, и я откланялся. Андрей довел меня до машины. Аня, не сказавшая за время встречи и десяти слов, осталась в доме.

– Поезжайте направо, – посоветовал Андрей, – так быстрее получится, не по основному шоссе, а по местной дороге.

Я кивнул:

– Спасибо.

«Десятка» заурчала мотором.

– Ждем вас весной на шашлычок, – радушно пригласил меня Андрей. – Анечка волшебю люля-кебаб готовит. Здесь в апреле такая красота!

Я улыбнулся:

– Не премину воспользоваться.

– Буду рад, – сказал Андрей, – поверьте, не ради красного словца говорю. Вы мне очень симпатичны.

– Взаимно, – ответил я и уехал.

Дорога оказалась отвратительной, скользкой, узкой, извилистой. Я постарался сосредоточиться на управлении автомобилем и пожалел, что, послушавшись Андрея, не выехал сразу на шоссе. Было темно, в свете фар кружились и падали тысячи снежинок. Я полз на третьей скорости, спидометр показывал километров пятьдесят. Внезапно, чуть не задев «десятку», меня обогнал «каблук». За рулем сидел парень в ярко-оранжевой бейсболке – абсолютно неподходящем для зимы головном уборе. На секунду водитель повернул в мою сторону лицо, бледное, с тоненькими, стекающими вниз от верхней губы к подбородку усами. Я подался чуть левее и почувствовал, что педаль тормоза как-то странно легко ходит под ногой. Дорога внезапно пошла под гору; показался очередной крутой поворот. И тут в свете фар возникла девушка, одетая во все белое. Ее лицо, пугающе огромное, мелькнуло перед моими глазами. На какую-то долю секунды я потерял самообладание и зажмурился, а потом попробовал остановить машину. Педаль тормоза свободно ушла в днище «десятки». Я пытался и так и этак затормозить, но «Жигули» двигались вперед. По непонятной причине у практически новой машины отказали тормоза. Я резко повернул руль. Послышался тупой удар, затем такой звук, словно кто-то раздавил яичную скорлупу, и «десятка» полетела куда-то вниз. «Господи, – пронеслось в моей голове, – кажется, это конец».

Глава 3

Один из моих приятелей, Леня Калмыков, перенес клиническую смерть. Он очень подробно рассказал нам о своих ощущениях.

– Сначала, – вещал Ленька, – я увидел свое тело сверху. Жуткое ощущение, скажу я вам. Потом меня волокло через трубу, а затем... Нет, ребята, слов не хватает! Невероятный свет, всепоглощающая радость... Прямо жаль, что сюда вернулся.

Ленька говорил с таким жаром, с такой убежденностью, что я ему поверил, похоже, он и впрямь побывал там, откуда не возвращаются.

Я раскрыл глаза и испытал некоторое разочарование. Вроде я умер, погиб в автомобильной катастрофе, но где тот невероятный, согревающий душу свет? Вокруг совершенно темно. Или я сразу попал в ад? Хотя если уж прелюбодей и выпивоха Ленька оказался на некоторое время в раю, то и мне там должно найтись местечко. Ей-богу, ничего плохого я никому в жизни не сделал, так, грешил по мелочи: лгал, впадал в уныние... Но я чтит отца и мать, никого не убивал...

В лицо ударил пучок света. Я невольно зажмурился. Вот он, Господь. Кто бы мог подумать, что рассказы про тот свет – правда? Я, конечно, очень надеялся, что там, за чертой, меня ждет более счастливая жизнь, но все же в существовании загробного мира сильно сомневался. Господи, прости меня, грешного!

– Эй, мужик, ты жив? – слышался хриплый голос.

Я раскрыл глаза и увидел перед собой лицо. Бог явился мне в образе дядьки в грязном полушубке и ушанке.

– Ты как? – спросил он. – Говорить можешь или онемел от страха?

И тут до меня дошло: сижу в «десятке», которая, съехав с дороги, угодила в довольно глубокую канаву. А около меня сейчас топчется водитель, очевидно, ставший свидетелем происшествия. Я разлепил губы и пробормотал:

– Жив вроде.

– Здорово, – обрадовался шофер, – ну-ка, пошевели руками и ногами. С виду ты вроде целый.

Очень осторожно я выполнил его указание и пришел к выводу: да, я цел. Скорей всего, переломов нет.

– Вот и славно, – гудел мужик, помогая мне вылезти из покореженной «десятки». – Еду я себе спокойненько, гляжу – в канаве жопа торчит. Ну, думаю, убился бедолага.

Он впихнул меня в свою «Газель».

– Надо в ГАИ позвонить, – прошептал я.

– Так я вызвал, – сказал шофер, – ща подъедут. Тебя как звать-то?

– Иван Павлович, – машинально представился я, – Иван Павлович Подушкин, ответственный секретарь общества «Милосердие».

В глазах доброго самаритянина запрыгали чертенята.

– А я Серега, – сообщил он, – Поливанов, на «Газели» езжу, грузы перевозжу, кто наймет, на того и работаю. Как же ты так неаккуратно? Машина-то, похоже, новая.

– Да, – кивнул я, чувствуя, что начинаю дрожать, – месяц назад купил.

– Нельзя по такой дороге носиться, – рассудительно сказал Серега, – вишь, что получилось!

– Тормоза отказали, – прокляцал я зубами и передернулся, вспоминая, как отчаянно давил ногой на педаль.

– Вона чего, – протянул Серега, – ты теперь на завод в суд подай! Тачка новая, все должно работать хорошо. Они тебе ремонт оплатят и за моральный ущерб дадут. Во гады! Наши-то

работяги хороши! С похмелья небось были, когда твою «десяточку» клепали. Я поэтому летать на самолете перестал. Пьяный механик винтик закрутить забудет, и прощай, Серега! Ну и негодяи! Ладно, хорошо, что это тут приключилось. Народу нет, а кабы задавил кого?

Моментально перед моими глазами возникла фигура девушки в белом, и я закричал:

– Боже, я сбил ее!

– Кого! – шарахнулся в сторону Серега.

Но я уже открыл двери «Газели» и побежал на дорогу, едва увернувшись от ехавшей навстречу машины, «каблука», с распахнутой дверью багажного отделения.

– Стой! – завопил Серега. – Погодь!

Он бросился следом и схватил меня за рукав:

– Остановись!

– Она там, – дергался я, – может, жива еще, в белом платье.

Серега потащил меня назад к «Газели».

– Привиделось тебе, Иван Павлович. Ну раскинь мозгами! Белое платье! Кто ж в такую погоду без пальто на улицу выйдет!

Я внезапно осознал странность произошедшего. Действительно, Серега прав.

Шофер впихнул меня в «Газель» и заблокировал двери.

– Вот и хорошо, – запричитал он, – вот и ладненько вышло! У меня тут термосик есть, плотни-ка.

Серега вытащил пакетик растворимого кофе, ловко высыпал его в кружку, добавил кипятку и сунул мне со словами:

– Ох, лепота! Все там есть, и молоко, и сахар, и кофеек.

Я органически не перевариваю быстрорастворимые напитки, мне не нравится употреблять внутрь всю таблицу Менделеева в одном стакане, но сейчас я схватил кружку и залпом выпил. Стало немного теплее, дрожь прошла.

– Я видел ее, как тебя, – пробормотал я, – лицо бледное, огромные глаза, волосы длинные, до плеч, на щеке крупная родинка, губы красивые, пухлые. На голове у нее была шапочка, белая, конической формы, а сама то ли в костюмчике белом, то ли в платье. Она как из ниоткуда возникла, близко-близко, я ее словно сфотографировал.

Серега покачал головой:

– Ерунда тебе привиделась, хочешь еще кофе?

Тут послышался стук в окно, прибыл инспектор ГИБДД.

– Ну класс! – восхитился Серега. – Обычно их часами ждать надо, я думал, до утра стоим, а эти через десять минут явились!

Сначала сержант выслушал мой рассказ, потом походил вокруг «десятки» и велел:

– Заберите все ценные вещи, я вызову эвакуатор.

– Ему бы в больницу, – шепнул милиционеру Серега.

– Зачем? – удивился страж дорог. – Вроде здоровый с виду.

Серега быстро рассказал историю про девушку в белом платье. Инспектор пару мгновений помолчал, потом снял шапку, перекрестился и сказал:

– А ну залазьте в мою машину.

Мы влезли в его «газик». Инспектор крикнул:

– Это ты с Нинкой повстречался.

– С кем? – оторопел я.

Сержант вздохнул:

– На этом повороте давно очень девушку насмерть сшибло, виновного не нашли. Вот с тех пор она, Нинка, и пугает водителей. Сам я никогда ее не видел, а от других слышал. Привидение, короче говоря. Ладно, ехайте отсюдова. Эвакуатор мне заказывать?

– Сам позабочусь, – ответил я.

– Ты не дергайся, – посоветовал гаишник, – лучше завтра с утра прикатывай. Здесь редко ездят, никто твою колымагу не тронет, да и не на ходу она.

Сергея заботливо довез меня до дома и отказался от денег.

– Чего я, нелюдь, – сердито воскликнул он, увидев купюру, – стану на чужом горе наживать? Убери рубли, они мне счастья не принесут!

Мы обменялись телефонами, и я пошел к Норе, рассказал хозяйке, что пережил за последние часы, и решил пораньше лечь спать. Завтра предстояло встать в шесть утра, чтобы вместе с эвакуатором поехать за несчастной «десяткой».

Я лег на диван, но сон не шел. Тогда я решил немного почитать. Не успел открыть книгу, как за дверью раздалось сначала тихое царапанье, а потом зычный голос Ленки:

– Иван Палыч, вам ужин дать?

– Спасибо, не надо!

– Ну поешьте чуток, – не отставала она, – блинчики у нас!

Чтобы она отвязалась, я крикнул:

– Хорошо, сейчас приду, съем пару штук!

– Вам с чем? – не умолкала прислуга. – С вареньем, сметаной или творогом?

– С джемом.

– Каким?

– Апельсиновым.

– А-а-а.

– Если нету, давай с любим.

– Почему? – запричитала Ленка. – Как не быть? Есть он. Только больно высоко стоит, я убрала подальше, никто его, кроме вас, не жрет, потому что сильно противный...

Продолжая бубнить, Ленка ушла. Я полистал книгу и сел. Может, и впрямь пойти поест блинчиков? Глядишь, на сытый желудок лучше заснется!

В голове не было ни одной мысли. Я тупо смотрел в одну точку, потом стал нащупывать ногами тапочки...

Внезапно послышался сначала грохот, а потом дикий, полный боли крик. Я побежал в кухню. Там на полу лежала стонущая Ленка.

Очевидно, пытаясь достать для меня апельсиновый джем, домработница влезла на лестницу, потянулась к высоко висящей полке и, не удержавшись на перекладине, рухнула вниз. Судя по тому, как странно вывернута у нее нога, Ленка ее сломала.

Поспать мне так и не удалось. Сначала я ждал «Скорую помощь», потом, взяв машину у Норы, поехал за «рафиком», в который на носилках загрузили Ленку. Затем началась маета: рентген, вправление костей, гипс... Я раздал кучу взяток медсестрам и врачам, устроил Ленку в приличную двухместную палату, смотался домой, привез ей зубную щетку, пасту, купил соков и вернулся к Норе. Часы показывали четыре утра. Ложиться спать не имело никакого смысла. Мне легче провести ночь на ногах, чем покемарить два часа, а потом вставать с гудящей головой.

Ровно в семь эвакуатор тронулся в путь. Мы добрались до места быстро. Рано утром, в воскресенье, да еще на шоссе, покрытом ледяной коркой, практически не было машин.

– Всегда бы так кататься, – мечтал водитель эвакуатора, дымя на редкость вонючей сигаретой, – мухой до МКАД долетели.

Оказавшись возле «десятки», шофер принялся, насвистывая, налаживать хитрое приспособление, призванное вытащить мою несчастную «лошадку» на дорогу.

Я молча осматривал пейзаж. Похоже, мне вчера повезло, причем многократно. Первый раз, когда «десятка» нырнула в овраг, доверху заваленный снегом. Лишь по счастливой случайности она не врезалась на полной скорости ни в одно из толстых старых деревьев.

Я прошел пару метров по шоссе и испугался. Невдалеке от того места, где потерпела крушение моя машина, был обрыв, очевидно, тут раньше разрабатывался карьер. Странно, однако, что он не огражден забором, но, с другой стороны, ничего удивительного. Около нашего дома, на проспекте, пару недель зиял открытый канализационный люк. Одному богу известно, куда подевалась его крышка. Легко представить, что могло случиться с водителем, если бы его машина на скорости около ста километров в час попала колесом в разверстую дыру.

Так вот, над люком не было ничего, никакого предупредительного знака, заборчика или просто веревки. Закрыли его лишь после того, как я поскандалил в районной управе, живописуя последствия катастрофы. Да и крышка появилась не сразу, а лишь после моего третьего визита и категорического обещания вызвать на место безобразия корреспондентов из «Московского комсомольца». Если подобное творится на одном из проспектов в центре столицы, в районе, считающемся элитным, то чего ждать от дороги возле МКАД?

Я постоял пару минут на краю обрыва, испытывая липкий ужас. Господи, ну и повезло же мне! Докатись «Жигули» сюда – от Ивана Павловича Подушкина осталось бы одно воспоминание.

Я пошел назад, шоссе словно вымерло. А еще мне вчера посчастливилось встретить простоватого и душевного Серегу на «Газели». Печка в моей «десятке» после аварии не работала, я замерз бы, дожидаясь ГАИ. Как все автовладельцы, я не ношу тяжелого зимнего пальто и ботинок на меху.

– Отчаянный вы человек, – сказал эвакуаторщик, когда я вернулся к месту аварии.

– У меня тормоза отказали.

– Да не об этом речь. Вы бросили машину на ночь, в лесу, ее же «раздеть» могли. Деревенские, они такие, ничего не оставят. Колеса, сиденья – все бы утащили, да вы еще и магнитолу забыли.

Я тяжело вздохнул. Да уж, о радио я вчера не подумал, прихватил документы, и все. Впрочем, ничего ценного я с собой не вожу. В бардачке лежит небольшая сумма денег, несколько пятидесятирублевых, так сказать, «штрафные», и это единственное, чем можно пожить. То, что «десятку» могут разобрать на части, мне в голову не пришло.

– Безголовый вы человек, – бубнил эвакуаторщик.

– Здесь жилья поблизости нет, – попытался я оправдаться, – откуда мародерам взяться? Повсюду лес, а по этой дороге, похоже, практически не ездят.

– И то верно, – сбавил тон собеседник, – все по основному шоссе пилят, это никому не нужно. Ну, с богом!

Раздался скрип, и «десятка» медленно вползла на дорогу.

– Теперича все заберите изнутри, – велел эвакуаторщик. – Чтоб пусто было. Мне неприятности ни к чему. А то потом начнутся претензии: мол, у нас тысяча баксов в бардачке валялась.

Я улыбнулся, подошел к машине и увидел спереди на покореженном бампере непонятный предмет, похоже, тряпку. Я машинально схватил его и вскрикнул. Это была шапочка белого цвета, конической формы.

– Она была! – выкрикнул я.

– Ты чего? – попятился эвакуаторщик.

Я подбежал к нему.

– Как вас зовут?

– Леха, – оторопело ответил парень.

– Леша, там в овраге женщина! У вас есть лопата?

– Есть, – кивнул Леха, – как не быть! Куда ж без нее? Вон висит!

Я схватил орудие землекопа и бросился к оврагу. Значит, несчастная девушка, возникшая в свете фар, никакое не привидение. Я сбил ее, а она своим внезапным появлением спасла

мне жизнь. Да, именно так. Не возникни внезапно в свете фар ее лицо, бледное, с огромными глазами и крупной родинкой на щеке, я бы не стал выворачивать руль влево и не попал бы в кювет. Нет, я пронесся бы еще несколько метров и слетел с высокого обрыва в карьер. Я убил незнакомку и тем самым спас себя.

Я орудовал лопатой, как сумасшедший, снег летел в разные стороны, забивался в ботинки, в рукава... Леша пару мгновений стоял молча, потом спустился в кювет, отнял у меня лопату и сказал:

– Сбрендил, да?

– Там девушка, – я указал пальцем в снег.

Леша покачал головой.

– Привиделось тебе.

– Нет! Буду ее искать.

– Некогда мне тут толкаться, – обозлился Леша, – мне по времени платят.

Я сунул ему свой кошелек.

– Возьмите сколько надо!

– Ну, раз так, – протянул эвакуаторщик и вернулся в кабину.

Я продолжал раскапывать снег и через полчаса был вынужден признать: никакого изуродованного тела в кювете нет. Чувствуя невероятную усталость, я сел в кабину эвакуатора. Леша хмыкнул:

– Ты к доктору, в сумасшедший дом, сходи, там тебе помогут!

Я тупо уставился в окно. Какой смысл разговаривать с этим черствым парнем?

Дома я вынул из кармана шапочку и стал ее внимательно изучать. Если бы не странная, коническая форма, то головной убор походил бы на тот, который носят врачи и медсестры. Но, насколько я знаю, медики носят нечто похожее на беретки или «таблетки». А тут многоугольная, странная конструкция, собранная из шести клиньев. Значит, девушка была... Отчего она стояла на пустом шоссе, зимой, вечером, одна, да еще без верхней одежды? Я очень хорошо помню ее лицо, голую шею и воротничок белой блузки или платья. Куда подевался труп? А может, незнакомка не пострадала? Успела увернуться от «десятки» и убежала? Может, ее и не было? Вдруг инспектор ГАИ прав? Мне привиделся фантом! При этой мысли я обозлился и одернул себя. Ну, Иван Павлович, совсем ты разума лишился! В призраки верить стал! А шапочка? Она-то вполне материальна!

Нет, эта загадка имеет простое объяснение. Тела в овраге не было, это точно, я перелопатил весь снег. Уйти сбита девушка не могла, значит, ее и не существовало, это был глюк. Я был страшно напуган нештатной ситуацией, судорожно пытался затормозить, отсюда и неадекватное восприятие действительности. А шапочка? Небось лежала в канаве давно и прилипла к фару...

Пальцы помяли белую ткань. Не слишком-то похоже, что она валялась пару недель под открытым небом. И что прикажете делать? Рассказать Норе? Или не стоит? Совсем запутавшись, я лег на кровать и взял газету. Под руки попала «Комсомольская правда», даже не знаю, каким образом это издание очутилось у меня на столике. Я вообще-то следую совету профессора Преображенского, который настоятельно рекомендовал не читать газет на ночь. Скорей всего, я случайно прихватил «Комсомолку» из кабинета Норы вместе с ворохом писем, пришедших в наш фонд «Милосердие». Вот моя хозяйка – та настоящая газетоманка, пролистывает кучу печатных изданий, самых разных, от натушно-респектабельных до откровенно желтых. Она не брезгует ничем и порой страшно веселится, зачитывая мне статьи типа: «В деревне „W“ женщина, сожительствовавшая с котом, родила черепаху». Наши газетчики меня искренне поражают. Если уж печатаешь на страницах своего издания откровенную утку, то постарайся придать ей хотя бы налет правдивости. Хотя люди вроде нашей домработницы Ленки охотно станут повторять эту глупость.

Я бездумно листал «Комсомолку», потом мне стало скучно. Лучше уж возьму Сенеку или Аристофана. Но для этого надо встать, а сил нет. Бессонная ночь давала о себе знать. Я положил «Комсомолку» на столик и уже совсем было решил вздремнуть, но тут перед глазами вновь возникло лицо той девушки с дороги: огромные глаза, большая родинка на щеке, крупные, пухлые, сексуальные губы. Только шапочки на ее голове не было, волосы красивыми волнами спускались на плечи. Мне понадобилась целая минута, чтобы сообразить: я вижу не глюк, не привидение. Смотрю на фотографию, помещенную на последней странице «Комсомолки».

Сами понимаете, что сон с меня словно ветром сдуло. Я сел, схватил газету и впился глазами в текст. «Ушла из дома и не вернулась. В декабре прошлого года, в районе девяти часов вечера пропала Ирина Медведева, студентка УПИ. Ирина Медведева была одета в темно-зеленую куртку с капюшоном, отороченным мехом лисы, от фирмы „Барберис“, темно-коричневые вельветовые джинсы „Прада“, светло-розовый пуловер „Томми Хилфипер“ и сапоги „Альберто Челлини“ из кожи питона черного цвета, на меху. Нижнее белье: комплект от Валентино телесного цвета. При себе имела черную сумочку, часы „Шопард“, серьги и два кольца той же фирмы, мобильный телефон „Нокиа“. Рост – 1,64, вес – 50 кг, глаза – темно-карие, волосы цвета шатен, вьющиеся. Особая примета: крупная родинка на щеке. Если кому известно о местонахождении Ирины Медведевой, просим сообщить по телефонам...»

Далее шли цифры и фраза, набранная более ярким шрифтом: «Гарантируется огромное вознаграждение».

Глава 4

Я перечитал записку трижды и только потом побежал в кабинет хозяйки.

– Нора!

Элеонора отложила счета, подняла на меня глаза и хмыкнула:

– Ну? Что еще плохого случилось? Домработница пришла?

– Ленка? – удивился я. – Но она ведь в больнице, со сломанной ногой! Вы забыли?

Нора хмыкнула.

– Почему ты считаешь меня дурой, вроде никаких поводов к этому я не даю. Естественно, я понимаю, что Ленка застряла в больнице максимум месяца на три, а при ее весе полагаю, что и через полгода она еще не сможет приступить к своим обязанностям. Я наняла другую бабу, она скоро должна явиться!

Я насторожился. Нора требует от прислуги, чтобы та жила в доме постоянно. Учитывая, что у хозяйки парализованы ноги, это понятно. У меня в ее доме есть большая комната, которую Нора велела обставить в соответствии с моим вкусом.

Более того, она неоднократно подчеркивала, что это и мой дом, поэтому я имею полное право проводить свободное время как хочу. То есть, читай между строк, Элеонора не станет протестовать, если я приведу к себе любовницу. Последнее время Нора открыто стала спрашивать:

– Ваня, ты хочешь прожить жизнь холостяком?

Думается, тут не обошлось без моей маменьки Nicolette, которая общается с Элеонорой много лет. Собственно говоря, благодаря этой дружбе я и попал на службу к Норе.

Но мне не слишком хочется приводить в свою берлогу дам. Я снимаю в случае необходимости квартиру, теперь с этим проблем нет. Домработница Ленка тоже живет здесь. У меня к ней куча претензий. Ленка ленива, отвратительно убирает помещения, разгоняя пыль по углам, и всегда переворачивает все бумаги на моем столе. Еще она не умеет гладить рубашки. Я так и не смог внушить неумехе, что на рукаве не должно быть заглаженной складки, спускающейся от плеча к манжету. Готовит домработница отвратительно. Зато она очень честная – не способна взять без разрешения даже спичку. И еще, Ленка неприставучая. Переделав все дела, она запирается в своей спальне и самозабвенно проводит время в кресле у телевизора с вязаньем. Кособокие кофты и пуловеры своего производства она потом дарит мне и Норе на день рождения, а мы, чтобы не обижать «рукодельницу», иногда облачаемся дома в жуткие тряпки и хвалим Ленку.

Одним словом, у нас сложилась семья, пусть немного, на чужой взгляд, странная, но мне в ней комфортно. И вот теперь в квартире должна появиться совершенно неизвестная женщина. Согласитесь, это не слишком приятное известие. А ну как новая домработница окажется истеричкой?

– Вы, надеюсь, нашли ее через агентство? – воскликнул я.

– Нет, – ответила Нора.

Я испугался:

– По объявлению в газете?

– Ваня, – возмутилась хозяйка, – я еще не выжила из ума. Нам ее отдает Раиса Ямпольская.

Я испугался еще больше: Раиса – дочка старинной подруги Норы. Она отличается редкой жадностью и никогда не делает добра окружающим. Еще она никогда не признается, где раздобыла ту или иную полезную вещь. Как-то раз моя матушка, Nicolette, дошла почти до бешенства, пытаясь выяснить, где Раиса взяла мыло с отрубями.

Ямпольская на все ее вопросы отвечала сухо:

- Купила в магазине.
- В каком? – не успокаивалась маменька.
- В большом, – не сдалась Раиса.

Но Николетту тоже трудно сбить с толку, поэтому она не дрогнула.

- И где он находится?
- В центре.
- Улицу назови.
- Не помню, длинная такая.
- Ну какое там метро?
- Я на нем не езжу, станций не знаю.

В конце концов разъяренной Николетте пришлось признать свое поражение. Мыло она потом все-таки раздобыла, принесла домой кусок и с возмущением воскликнула:

- Раиса – отвратительная особа! Считает, будто весь мир создан только для нее!

Сами понимаете, что эта дама никогда не отдаст хорошую прислугу. Следовательно, наша новая домработница такая же неумеха, как Ленка, или еще хуже.

Наверное, мрачные мысли отразились на моем лице, потому что Нора, усмехнувшись, добавила:

– Ну, не дрожи, все не так плохо. Раиса уезжает с мужем в Америку, на пару лет. Анатолий получил место переводчика при ООН. Естественно, прислугу они не берут, она достается нам по наследству. Рекомендации великолепны.

Я слегка успокоился. Может, эта баба хоть немного умеет готовить? Честно говоря, мне надоело питаться «изысками», которые вдохновенно стряпает Ленка.

- Что ты ворвался ко мне с таким безумным видом? – прищурилась Нора.

Я мгновенно вспомнил о газете, положил «Комсомолку» на стол перед хозяйкой, рядом устроил белую шапочку и начал рассказывать о случившемся.

К одному из несомненных достоинств Норы относится умение слушать собеседника.

Нора внимает вам, никогда не перебивая. Она потом задаст все интересующие ее вопросы, но в момент вашего рассказа никогда не воскликнет: «Ну, хватит, по второму кругу болтать пошел!»

Вот и сейчас она выслушала мой рассказ и взяла газету.

– Да, – протянула хозяйка, – эта Ирина Медведева явно не из бедных слоев. Часы «Шопард», драгоценности той же фирмы, вещи от известных фирм. Ты уверен, что именно ее видел на шоссе?

- Стопроцентно! – с жаром воскликнул я. – Эта родинка очень приметна.
- Все это очень странно, – протянула Нора, – даже загадочно. Впрочем, сейчас выясним. Не успел я поинтересоваться, что она собирается делать, как Элеонора схватила телефон.
- Алло, здравствуйте. Мне случайно попалась на глаза газета «Комсомольская правда».

Тут опубликовано фото... да... да... Скажите, Ирина нашлась? Нет... Видите ли, тут такое дело, мой секретарь...

Я смотрел в окно, за которым веселые снежинки исполняли польку. Первый раз я оказался в столь откровенно идиотской ситуации.

- Сейчас приедет, – сообщила Нора, бросая трубку на столик.
- Кто?

– Отец этой Ирины, некий Семен Юрьевич, – пояснила Нора, – он уже в пути.

И тут прозвенел звонок. Я пошел в прихожую. Да уж, этот Семен Юрьевич явно владеет фантастическим искусством телепортации. Пять секунд назад он пообещал явиться и, пожалуйста, тут как тут.

Я открыл дверь и увидел нечто огромное, черное, больше всего похожее на стог подгнившего сена.

– Вы Семен Юрьевич? – от неожиданности спросил я.

Гора зашевелилась и ответила очень тонким голосом:

– Нет, меня зовут Муся.

– Как? – удивился я.

– Муся, – повторил стог дискантом. – Я Марина Евгеньевна по паспорту, но мне не нравится, когда меня так кличут, лучше Муся...

– А где Семен Юрьевич? – окончательно растерялся я.

– Не знаю, – отозвалась Муся, – со мною Орест Михайлович.

Я осмотрел лестничную площадку, искренне недоумевая, кто такой Орест Михайлович. Между лифтом и квартирой Элеоноры никого не было.

– А Элеонора Михайловна дома? – пропищала Муся.

Я моментально понял, что к чему: это новые клиенты.

– Да, конечно, проходите, она в кабинете. Вы договаривались о встрече?

– Так велено было приезжать, – ответила Муся и двинулась в прихожую.

Элеонора, покупая квартиру в элитном доме, особое внимание обратила на холл.

– Надоело мне плечами о стены стучаться, когда пальто надеваешь, – в минуту откровенности сказала она мне, – я полжизни в наперстке прожила, теперь хочу жить во дворце.

Жажда простора ввергла Нору в дополнительные расходы, потому что она купила сразу две квартиры на одной площадке и объединила их. Поэтому у нас был только один сосед, Валера, но о нем как-нибудь позже. Прихожая у нас просто огромная, но сейчас, когда туда ввалилась Муся и заняла почти все пространство, мне показалось, что помещение сузилось до размеров спичечного коробка.

Внезапно Муся грохнула о пол два здоровенных чемодана, которые до сих пор держала в руках, и пискнула:

– Ой, здрассти!

Я обернулся. Из коридора выкатилась в инвалидном кресле Нора.

– Мы вот тут, – завела Муся, – от Раисы Сергеевны. Доброго вам здоровьичка, извините, отдыхать небось вам мешали. Вы не беспокойтесь, только комнату укажите!

И тут я сообразил, что это не клиентка, а наша новая домработница. Однако внешность у нее устрашающая.

– Ты не торопись, – раздался за спиной Муси сочный бас. Из-за громадной фигуры вынырнуло маленькое, тщедушное существо, похожее на кузнечика, больного рахитом.

Несчастное создание было облачено в костюм, явно купленный в магазине игрушек. Круглая, почти лысая голова яйцевидной формы сидела на тоненькой шейке, которую я запросто мог обхватить двумя пальцами. На ногах непонятного субъекта были крошечные ботинки, под мышкой он держал роскошную папку из натуральной кожи.

– Это кто? – весьма невежливо ткнула в него пальцем Нора.

– Орест Михайлович, – ответила Муся, – я женой ему прихожусь!

Я постарался не расхохотаться. Да эта Муся спокойно может раздавить муженька, если ненароком сядет на него.

– Но мне никто не говорил, что вы семейный человек! – возмутилась Нора. – Речь шла лишь о домработнице!

– Мы всегда парой, – сообщила Муся. – Орест Михайлович – повар, я на подсобных работах, убирать, почистить, перевернуть чего, перенести, прибить... Все могу, даже часы чиню.

– Коли не ко двору пришлись, то мы уйдем, – загудел Орест Михайлович.

Муся подхватила поставленные чемоданы.

– Стойте, – выпалила Нора и уставилась на «кузнечика»: – Это вы пекли пироги с рыбой на день рождения Раисы?

Орест Михайлович гулко кашлянул.

– Расстегайчики? Мы-с. Вам какие по сердцу больше пришлись, с севрюжиной или с вязигой?

– Я все съела и чуть не скончалась от обжорства, – вздохнула Нора. – Ваня, покажи им комнату, пусть распаковываются и приходят в кабинет.

Я решил проявить галантность и попытался перехватить один из чемоданов семейной пары, но потерпел сокрушительную неудачу. Саквояж был, похоже, набит камнями или надгробными плитами.

– Что вы, – засуетилась Муся, – я сама доволоку.

Она легко подхватила багаж и поинтересовалась:

– Идти куда?

Я отвел супружескую чету в их спальню и со вздохом заметил:

– Кровать тут одна, довольно узкая. Завтра куплю для вас побольше.

– Не беспокойтесь, – заявила Муся, – Орест Михайлович на постельке ляжет, а я на полу, вот туточки, у окошка.

Муж спокойно сел в кресло. Ситуация показалась мне странной. Конечно, Орест Михайлович размером с одну руку своей жены, но все-таки он мужчина, и, следовательно, на полу должен спать он, а не женщина, пусть даже такая сильная и огромная, как Муся.

– У окна дует, – решил я укорить Ореста Михайловича, – в кладовой есть раскладушка.

– А не надо, – отмахнулась Муся, – я всегда на полу сплю. На кровати мне неудобно, спина болит. Спасибо вам за заботу!

В прихожей опять прозвучал звонок. Муся дернулась было на выход, но потом притормозила и воскликнула:

– Вы мне покажите, как дверь отворять!

– Раскладывайте пока вещи, – предложил я, – завтра с утра к работе приступите.

– Как велите, – мигом согласилась Муся.

Я пошел ко входу, глянул на экран видеофона и увидел мужчину лет пятидесяти. Это, скорей всего, и был Семен Юрьевич.

Глава 5

Гость снял дорогое кашемировое пальто, подбитое собольим мехом, поправил безукоризненный пиджак, явно сшитый на заказ, и весьма нервно спросил:

– Вы знаете что-то об Ирине? Имейте в виду, за сведения о моей дочери обещана награда!

– Пойдемте в кабинет, – предложил я.

Семен Юрьевич, не сказав ни слова, проследовал за мной к Норе.

Выслушав рассказ Элеоноры, он повернулся ко мне:

– Вы уверены, что видели лицо Иры?

Я кивнул:

– У вашей дочери яркая внешность, к тому же родинка на щеке...

Семен Юрьевич вздохнул:

– Ничего не понимаю.

– Мы тоже, – развела руками Нора.

Наш гость посидел какое-то время молча, затем достал дорогое портмоне и коротко поинтересовался:

– Сколько?

– За что? – уточнила Нора.

– Я хочу нанять вас для поисков Ирины.

Элеонора откатилась от стола.

– Финансовые вопросы решить просто. Вы оплачиваете наши расходы по делу. Естественно, получаете все чеки, квитанции и прочие документы, подтверждающие траты. Если мы успешно справимся с поставленной задачей, то вы заплатите нам...

Хозяйка протянула намечающемуся клиенту листок.

Семен Юрьевич кивнул:

– Хорошо.

– Ежели мы не сумеем вам помочь, – продолжала Нора, – это, конечно, нонсенс, но надо предусмотреть любой исход дела, оплата составит один процент от вышеуказанной суммы.

– Нет проблем, – нервно воскликнул Семен Юрьевич, – начинайте.

– Иван Павлович, – велела Нора, – оформляй договор.

Я вытащил из стола необходимые бумаги. Элеонора – расчетливая бизнесвумен, сумевшая создать с нуля великолепно работающую империю. Все, за что берется моя хозяйка, мигом начинает приносить доход. Вначале ее игра в частного детектива меня раздражала, потом я привык, ну а год назад мне стало понятно: новое увлечение дает нам немалые деньги. Слух о способностях Норы разнесся по Москве со скоростью света, и если первое время она очень переживала от отсутствия клиентов и даже давала объявления в газетах, то теперь выбирает лишь интересные дела. Детективное агентство «Ниро», владелицей которого является моя хозяйка, оформлено по всем правилам. У нас на руках имеются необходимые лицензии и разрешения. Расследования – это увлечение Норы, поэтому она никогда не берется за то, что кажется ей простым или глупым. Хобби должно доставлять удовольствие, а то, что оно еще и прибыльно, Норе с ее миллионами казалось лишь приятным дополнением. Теперь же деятельность сыщика стала давать немалые деньги. Согласитесь, Нора очень счастливый человек. Мало кому удастся заниматься любимым делом, да еще преуспеть в нем.

Подписав все мыслимые и немыслимые бумаги, Нора отдала Семену Юрьевичу копию договора и велела:

– Теперь рассказывайте.

Тот удивленно спросил:

– О чем?

– Все, что знаете о дочери, – ответила Нора. – О ее друзьях, врагах.

– Зачем?

– Вот уж глупый вопрос! – начала злиться Нора. – Любопытство меня вовсе не мучает! Вы же наняли нас для поисков Ирины. Вы предполагали, что мы станем действовать вслепую? И вообще, с чего вы взяли, будто она пропала?

– Так она дома с декабря не появлялась, – резонно ответил Семен Юрьевич.

– Может, она к любовнику ушла, – рявкнула Нора, потом, повернувшись ко мне, спросила: – Помнишь Лену Малкову?

Я кивнул:

– Да.

Нора глянула на Семена Юрьевича.

– Не так давно прибежала к нам женщина в слезах: дочка у нее исчезла, вроде вашей ситуация. Вечером она разоделась, словно на Пасху, и ушла. Домой не вернулась ни ночью, ни на следующее утро, словно в воду канула. И что мы выяснили? Очень быстро разузнали: девица просто перебралась к любовнику, а родителям ничего не сказала, справедливо полагая: предки не одобряют такого поведения.

Семен Юрьевич тяжело вздохнул:

– Ира не такая.

– Ну все в определенном возрасте хороши, – отмахнулась Нора, – впрочем, посмотрим на проблему с иной стороны. Ну когда еще покуролесить, если не в двадцать лет? В пятьдесят поздно, да и не захочется уже коленца выкидывать.

Семен Юрьевич вздохнул:

– У нас другая ситуация.

– Какая? – быстро спросила Нора.

Клиент медлил с ответом, явно раздумывая, стоит ли вводить нас в курс дела. Элеонора окончательно разозлилась и довольно резко сказала:

– Есть три места, где от души советую вам говорить правду: у доктора, у адвоката и у меня. Каким образом мы сумеем вам помочь, не владея никакой информацией об Ире?

Семен Юрьевич тяжело вздохнул:

– Ладно, слушайте.

Он начал рассказ. Я молча записывал самое интересное в блокнот.

Семен Юрьевич никогда не был женат на матери Иры. Женщина, подарившая ему дочь, была случайной знакомой. Они встретились на какой-то вечеринке, выпили, и праздник завершился любовными объятиями.

В молодости Семен был отчаянным бабником, падал на все, что шевелится. Впрочем, счастливой семейной жизни эта привычка не мешала. Жена Семена, тихая, безответная Наташа, делала вид, что ничего не знает о похождениях супруга. Его она в неверности не упрекала, программных заявлений типа: выбирай, либо она, либо я – не делала. Наташа, несмотря на юный возраст, оказалась мудрой женщиной с сексуальным аппетитом, как у ленивца. Муж по полгода не залезал к ней под одеяло, а супруге этого и не хотелось. После рождения дочери Кати Наташа с головой ушла в пеленки, а Семен начал усиленно заниматься карьерой.

Надо сказать, что бессловесная Наташа в результате осталась в выигрыше. Бабы менялись у Семена словно носки, больше двух, трех дней ни одна не задерживалась, наготовавшись, он всегда возвращался к жене и, чувствуя перед ней вину, делал ей подарки.

Несмотря на редкостную похотливость, Семен оказался ловким бизнесменом и сейчас ворочает огромными деньгами. Наташа и любимая доченька Катенька не отказывают себе ни в чем. Короче говоря, жить бы Семену да радоваться, но тут неожиданно грянул гром среди ясного неба.

Один раз, возвращаясь домой, Семен увидел на лестничной клетке около своей квартиры серую фигуру. На какую-то секунду бизнесмен испугался. В столице есть парочка людей, желающих ему смерти. Семен не верил в то, что конкуренты способны нанять киллера, но чужая душа потемки, вдруг да и захотят решить проблему просто. Охраны у Семена нет, он убежден в том, что от снайперской винтовки не спасет ничто, а раз так, то незачем и тратиться.

Серая фигура отлепилась от стены, и Семен с облегчением понял, что перед ним девушка с яркой броской внешностью.

– Здравствуйте, – тихо сказала она, – я ваша дочь Ира.

Растерявшийся Семен пригласил девчонку в квартиру. Неожиданная гостья вытащила пару фотографий.

– Это моя мама, узнали ее?

Семен уставился на снимок, никаких воспоминаний он у него не вызвал. У Семена в жизни были сотни баб, где уж тут всех упомянуть.

– С чего ты решила, будто являешься моей дочерью? – поинтересовался Семен.

Ира покраснела:

– Мама перед смертью сказала...

Слово за слово Семен вытащил из девушки правду. Он только качал головой, слушая бесхитростного подростка. Мать Иры звали Вера. Всю свою жизнь она любила Семена Юрьевича, поэтому замуж не выходила, воспитывала дочку одна. Вера работала учительницей, имела копеечную зарплату, проживала в бараке и никогда не побеспокоила Семена. Она ничего не сообщила ему о рождении ребенка, не требовала алиментов или какой другой материальной помощи. Более того, Вера все детство лгала Ирочке, что ее папа был капитаном дальнего плавания и геройски погиб при исполнении служебного задания.

Ирина долго верила маме, но потом в ее детскую голову пришла одна простая мысль: если у нее был папа-герой, то почему она носит мамину фамилию? С этим вопросом девочка обратилась к Вере. Та сначала растерялась, но потом быстро сказала:

– А я ведь взяла фамилию мужа и теперь Медведева.

Но Ирочка оказалась не так проста:

– Но, мамочка, ты же показывала мне свой школьный аттестат, и там тоже фамилия Медведева.

– Мы с твоим отцом однофамильцы, – выкрутилась Вера, и Ирина ей поверила.

Скорей всего, мать никогда бы не рассказала дочери правду, но она внезапно заболела, угодила в больницу, а потом, поняв, что умирает, открыла девочке тайну. Ее отец Семен Юрьевич Коротков, богатый человек, имеющий жену и дочь, практически одногодку Иры.

– Ты ступай к нему, – шептала Вера, – он тебе поможет.

Ирочка, ошарашенная новостью, только кивала. Потом Вера умерла, дочь похоронила ее, истратив не слишком густые «подкожные». Несколько недель она жила впроголодь и наконец решила на визит к отцу.

Честно говоря, Семен слегка обалдел, а вот Наташа, тоже присутствовавшая при разговоре, не потеряла самообладания и стала задавать Ире вопросы:

– Откуда же Вера узнала адрес Семена?

– Она его всю жизнь любила, – тихо ответила Ира, – следила за ним, иногда напротив вашего дома в скверике сидела, поджидала, когда Семен Юрьевич с собачкой гулять пойдет. Ей больше ничего не было надо, только бы знать, что он жив, здоров и счастлив!

Семен напряг память. Он действительно по вечерам выходит на променады с Булькой, и на лавочке вроде маячила иногда какая-то баба... Только он не обращал на нее внимания, мало ли кто выходит по вечерам дышать свежим воздухом?

Что делать в создавшейся ситуации, Семен не знал. Выгнать плохо одетую и явно голодную девочку у него рука не поднималась, но признавать неизвестно кого своей дочерью тоже не хотелось. И вновь на помощь пришла разумная Наташа.

– Надо сделать генетическую экспертизу, – сказала она, – ты, Ира, на нас не обижайся, но так лучше будет всем. Подтвердится, что Семен Юрьевич твой папа, – тогда один разговор, если нет – тогда другой. Мама ведь наврала тебе про капитана, могла нафантазировать и в другой раз. Хотя следует признать: вы с Катей похожи, как близнецы.

– Хорошо, – пролепетала Ира, – я согласна.

Результаты анализов ошеломили всех. Никаких сомнений не осталось в том, что Ира родная кровиночка Семена. Был еще один факт, полностью убедивший его в том, что Ира его плоть и кровь. У Семена Юрьевича патология, зеркальное расположение органов. У всех людей сердце слева, а у него – справа. Подобный казус встречается крайне редко. Катя родилась обычной, а вот у Иры сердце тоже оказалось не на месте, и у Семена Юрьевича, когда он узнал об этом факте, мигом возникла мысль: Ира – его подлинная дочь, от Веры в ней нет ничего. А вот Катя пошла вся в Наташу. И это было правдой. Ирине достался характер отца, а Кате матери. Девочка поселилась в доме у отца и в самое кратчайшее время подружилась с Наташей и Катей. Может, вам это покажется невероятным, но Катюша с радостью приняла сестру, а Наташа без всякой позы начала звать Ирину дочкой.

Семен, чувствующий некую вину перед умершей Верой, изо всех сил старался украсить жизнь неожиданно появившейся дочери. Он устроил ее в Институт управления полиграфии и издательского дела и стал осыпать девушку подарками. Катя совершенно не завидовала сестре, да и о какой зависти могла идти речь? Да, папа приобрел Ире часики «Шопард», но у Катюши на запястье сверкал золотой «Ролекс». Так что все в их семье шло прекрасно до того декабрьского дня, когда Ирина исчезла.

– Кто была ее ближайшая подруга? – поинтересовалась Нора.

Семен Юрьевич пожал плечами:

– Катя, наверное. К девочкам все время кто-то приходил, но я никогда в это не вникал.

– Нам надо поговорить с Катей и Наташей. Когда это можно сделать? – спросила Нора. – Вообще говоря, чем скорей, тем лучше.

– Дочки сейчас нет в Москве, – ответил Семен Юрьевич.

– Где же она? – подскочила в кресле Нора.

– В Германии.

– Уехала за границу в разгар учебного года? – продолжала недоумевать Нора.

– Она отправилась туда через несколько дней после исчезновения Иры...

– Еще более странно! Сестра, пусть и родная лишь по отцу, испаряется в неизвестном направлении, а... – начала было Нора, но Семен Юрьевич не дал ей договорить.

– У Кати, как и у Иры, на щеке родинка, на том же месте. Она стала кровоточить, я договорился в клинике, в Мюнхене, об операции. Дело непростое. Находишь родинку где угодно, я бы не волновался, но лицо! Сами понимаете, что это значит для молодой женщины. Операция и все процедуры мною были оплачены заранее. Задержаться в Москве Катя никак не могла, она уехала в слезах. К сожалению, вмешательство прошло неудачно. Сначала занесли инфекцию, потом анализ показал, что в родинке есть переродившиеся клетки. В общем, Катя лечится в Германии больше предусмотренного срока. Я очень надеюсь на ее скорейшее выздоровление, но вернется она не скоро.

Когда Семен Юрьевич ушел, Нора сердито заявила:

– Наташа, конечно, с дочерью. Ладно, пока нет возможности поговорить с ближайшими родственниками, поиски поведем в двух направлениях одновременно. Ты снова съездишь на место автокатастрофы и спокойно оглядишься. Подумаешь, откуда девушка могла появиться на дороге.

– Там поблизости нет никакого жилья, – пробормотал я.

– В это верится с трудом, – парировала Нора, – если учесть, что Ира была одета в кофту...

– Может, в платье, – перебил я хозяйку.

– Да какая разница, – вскипела та, – главное, что на ней не было верхней одежды. На дворе стоит мороз, далеко раздетой не уйти. Нет, там рядом что-то есть, просто ты не знаешь где. Найди мне это место: маленькая избушка, вагончик, где переодеваются строители, будка стрелочника, шалаш, землянка... И второе. Съездишь в этот институт УПИ и порасспрашиваешь однокурсников. Что-нибудь да и всплывет, я не верю в исчезновение без всяких следов, так не бывает! У тебя самого какие соображения на сей счет?

Я потер затылок.

– Да самые простые! Дорого одетая девушка, при ювелирных украшениях, вышла вечером из дома. На пути попались подонки. Схватили, скрутили...

– Девять вечера еще не ночь, – прервала меня Нора, – на улицах много прохожих, отчего Ира не кричала?

Я пожал плечами.

– Ну это как раз понятно, ей сделали укол...

– Значит, похищение планировали заранее, – протянула Нора, – обычные хулиганы действуют проще.

– Может, ее позвал кто из знакомых? – предположил я. – Предложил сесть в машину.

– Ладно, – оборвала меня Нора, – действуй. Прямо сейчас поезжай на шоссе.

Я с тоской глянул в окно. Снег валил хлопьями, никакого желания таскаться по проселочным дорогам у меня не было.

– Ваня, – поторопила Элеонора, – не спи, замерзнешь! Бери мой «мерс» и отправляйся.

Я тяжело вздохнул. Ну все в этой ситуации плохо. Во-первых, никаких сил нет тащиться бог знает куда, во-вторых, я очень не люблю пользоваться машиной Элеоноры. Я чувствую себя скованным за рулем шикарного «шестисотого».

– Ваня, ау, – хмыкнула Нора, – опять ушел в себя! Держи ключи.

Я покорно взял связку и пошел в прихожую. Моя жизнь кому-то может показаться замечательной, но в положении наемного работника, получающего жалованье из рук хозяйки, есть один жирный минус: никто не станет слушать никаких ваших соображений или возражений. Приказ отдан, бери под козырек и выполняй.

Иногда мне свойственно впадать в меланхолию. Зная за собой это качество, я совсем не удивился, ощутив в душе некоторое уныние. Впрочем, прежде чем предаваться ему, следовало подумать, каким образом экипироваться для загородной прогулки. Придется доставать высокие зимние сапоги и теплое пальто. Представив себе, как неудобно будет в этом одеянии в «Мерседесе», я еще больше пригорюнился, и тут резко прогремел звонок в прихожей.

Глава 6

Я распахнул дверь и увидел нашего соседа Валерия.

– Привет, Иван Павлович, – радостно заулыбался тот. – Ты чем заниматься собрался?

Я настороженно глянул на Валеру, надеясь, что он не пришел опять просить о «соседской услуге».

Когда Нора покупала квартиру в этом доме, она самым тщательным образом расспросила риелтора об остальных жильцах подъезда.

– Мне не хочется, отдав гигантскую сумму за квартиру, обнаружить загаженную лестницу, лифт, исписанный фразами типа «Спартак – чемпион», и «Мерседес», поцарапанный гвоздем, – вполне резонно заявила она.

Риелтор замахала руками.

– Что вы! Люди тут живут приличные, все одного материального достатка, поддерживают чистоту и порядок, все сплошь бизнесмены!

Последнее слово еще больше насторожило Нору, и она бдительно осведомилась:

– Бизнесмены, говорите? Это хорошо. Ну-ка, какой совокупный срок судимостей у моих соседей? Лет триста?

– Никакого криминала нет, – заверила ее риелторша, – все нормальные законопослушные граждане.

Нора въехала в дом и целый год наслаждалась покоем. Но потом случилось непредвиденное. Наш единственный сосед по лестничной клетке, милейший Арон Вергелис, уехал жить на историческую родину, свою квартиру он продал Валере.

Когда я впервые увидел парня, то струхнул. Валера выглядит весьма экзотично. Он практически лысый, всегда носит спортивный костюм и выплевывает жвачку, выходя из лифта. Первое время мы не общались, но потом у Норы случился сердечный приступ, я вызвал «Скорую», та прибыла с двумя тщедушными докторицами, и пришлось обратиться к Валере за помощью – я не мог донести носилки до машины один.

Валера без писка согласился. Более того, он отправился со мной в больницу и, пока я ездил домой за забытым паспортом Норы, ловко договорился со всеми: врачами, медсестрами и санитарками. Когда я прибежал в клинику с высунутым языком, Нора уже лежала в лучшей одноместной палате и около нее выстроился дивизион медицинских работников. Оставалось только удивляться способностям Валеры. Со мной, узнав об отсутствии паспорта у больной, никто даже не стал разговаривать. А ради Валеры все мигом засуетились.

С тех пор мы дружим. Я хорошо знаю супругу Валеры, крикливую Надю, и его тещу, даму, обладающую крутым характером. Валера, которого жизнь основательно потрепала до того, как наградила деньгами, не боится никого, кроме Ангелины Степановны.

– Понимаешь, Иван Павлович, – говорил он мне, – все ж я не люттик, два срока за плечами. Уж поверь, навидался я всякого. Но, скажу тебе, даже конвой из Владимира белым и пушистым покажется на фоне любимой тещеньки. Я, как дорогую маму вижу, сразу дара речи лишаюсь.

Честно говоря, столкнувшись в лифте с Ангелиной Степановной, я и сам по непонятной причине испытываю резкий дискомфорт, хотя лично мне она ничего плохого не сделала, даже наоборот, увидав соседа, дама изображает самую любезную улыбку и мило чирикает:

– Добрый день, Иван Павлович.

В мае прошлого года Валера попросил меня:

– Иван Павлович, будь другом, съезди со мной в Аникеевку.

– Можно, конечно, – осторожно ответил я, – только где это и зачем туда ехать?

– Вот, еклмн, докука, – буркнул Валера, – там у тещи дом.

– И что?

– Надо на участок навоз отвезти.

Я удивился:

– Навоз? Зачем?

Валера пожал плечами:

– На огород. Она там всякую дрянь сажает: картошку, морковку, свеклу, репу, клубнику...

Я захлопал глазами.

– Но разве не проще купить овощи и ягоды на рынке? Они сейчас совсем не дорогие!

– Едрена матрена, – сердито воскликнул Валера, – да ей хоть кол на голове теши, не понимает. Уперлась, старая кошелка, и хоть трава не расти. Положено, понимаешь, весной сажать, потом окучивать, потом собирать. И ведь вечно у ней лажа получается. Огурцы тля сожрет, на помидорах какие-то пятна, медведки все корешки измусолят, а картошка родится махонькая, крошечная, ваще никуда! Виноградный сорт!

– Может, Ангелине Степановне не стоит огородом заниматься? – покачал я головой.

– Ты ей это объясни! – скривился Валера. – Нет уж! Теперь новая забава! Говно везти! Из Москвы!

– Не проще ли навоз купить на месте, у селян, они, наверное, недорого возьмут, – посоветовал я.

– Ну елы-палы, – выдохнул Валера. – Тешенька жаднучая до такой степени, что ей мои деньжонки жаль, прикинь, а? У ней двоюродный брат в зоопарке работает и задаром говно отдает! Из-под верблюдов! Уж я и так ее уговаривал и этак, нет, стоит на своем! Вези дерьмо! Из Москвы! В прицепе! Бесплатно же.

– Вы бы ей сказали, что бензин дорогой, – посоветовал я соседу, – туда, сюда, больше денег истратишь. Лучше в деревне приобрести!

– Да дура она! Дура, – зашипел Валера, – сгрызла меня, Надьку накрутила, а та истерики закатывает, орет: «Бедная мама так редко тебя просит!» В общем, жизни нет, помощи, Иван Павлович!

– С удовольствием, но каким образом?

– Поехали в Аникеевку!

– Но зачем я тебе понадобился?

Валера задрал штанину, и я увидел, что его лодыжка забинтована.

– Нога у меня болит, – пояснил он, – ты за руль сядешь, я рядом.

Пришлось выручать Валеру. А теперь представьте себе картину: по шоссе катит роскошный джип «Лендкрузер», черного цвета, с тонированными окнами, сзади мотается самый примитивный прицеп, железный ящик на двух колесах, прикрытый старым, выцветшим брезентом. На дворе стоит неожиданная для мая жара, навоз испускает такие миазмы, что мухи теряют сознание.

Как только мы отъехали от дома и порулили в зоопарк, Валера принялся материться. Когда он понял, что говно, произведенное верблюдами, предстоит самим перекладывать лопатой в прицеп, он начал выдавать такие коленца, что мне захотелось все это записать для потомства. Кое-как, задыхаясь от вони, мы с ним наполнили прицеп и двинули к МКАД. По дороге Валера покупал воду, без конца мыл руки и стонал:

– Ну и вонища! Никогда не думал, что верблюд родственник скунса.

Мы вполне благополучно добрались до шоссе, проехали энное количество километров и были остановлены гаишником. Сержант, помахивая жезлом, приблизился к «Лендкрузеру», проверил наши документы и лениво спросил:

– Что в прицепе?

Мы с Валерой переглянулись и замешкались с ответом. В глазах инспектора мелькнул огонек. Очевидно, он решил, что двое мужиков, мрачно восседающих в лаково-черном «Ленд-круизере», перевозят что-то незаконное, и уже мысленно стал подсчитывать свою выручку.

Сержант алчно воскликнул:

– Ну и чего там, а?

– Дерьмо! – рявкнул Валера.

Инспектор покраснел.

– Ты это, того, поосторожней выражайся, а то и привлечь можно.

– Ты спросил, я ответил, – взревел Валера.

– Фекалии там от верблюдов, – некстати влез я, – из зоопарка!

– Из зоопарка? – в полном обалдении переспросил милиционер и совсем обозлился: – Из какого такого зоопарка?

Валера сплюнул за окно, сержант побагровел, повернулся к бело-синей машине и замахал руками. К нам подошли еще двое милиционеров.

– Вылазьте, – сказал один, дергая носом.

Второй молча чихнул.

– Вы напрасно беспокоитесь, – я попытался объяснить ситуацию, – мы везем навоз.

– Дерьмо, – гавкнул Валера.

– От верблюдов, из зоопарка, Московского, – подхватил я.

– На огород, – продолжил вполне миролюбиво Валера, – на картошку!

И тут стражи дороги окончательно взбесились. Они вытащили нас из «Лендкруизера», поставили у машины и, злобно бормоча: «Ну шутники фиговые, погодите», – резко сдернули брезент.

Тучи мух взлетели вверх, отвратительный запах разлился в теплом воздухе. На какое-то мгновение группа милиционеров застыла, потом один протянул:

– Дерьмо...

– Мы же вам говорили, – покачал я головой.

– Ты в нем руками пошарь, – прищурился Валера, – авось найдешь чего!

Инспектора затрясли головами.

– Зачем вы навоз из Москвы прете? – не выдержал первый. – За бутылку на месте можно гору получить!

– А мы только из-под верблюдов берем, – прошипел Валера, закрывая прицеп брезентом, – он целебный! Экологически чистый, со светлой аурой!

Я не буду вам тут живописать, как, прибыв на место, мы сваливали фекалии в ржавую ванну, стоявшую посреди участка. Понимаете теперь, отчего я вздрогнул, услышав сегодня от Валеры слово «помоги»?

– Что случилось? – осторожно спросил я.

– Да Ангелина Степановна, чтоб ей!

– Сейчас холодно, удобрения перевозить рано!

– Ей новая дурь в голову пришла.

– Какая?

– Тумбочку надо в Локтевку отволочь.

– Что?

– Ну мебель такую, – принялся растолковывать Валера, – жуткую поцарапанную развалину.

– Зачем же ее в эту Локтевку тащить?

– Там у тещи брат живет, она ему ее пообещала, – со стоном протянул Валера, – Иван Павлович, выручай.

– Но я-то чем могу помочь?

Валера задрал рукав. Я увидел толстую повязку.

– Упал вчера, сильно ушибся, хорошо, руку не сломал, – разохался сосед, – а теща орет, словно потерпевшая, невменяемая совсем: вези тумбочку, и точка.

– Где же эта Локтевка?

– А недалеко, – обрадовался Валера, – по МКАД, налево...

Он детально объяснил дорогу, и тут меня осенило: это же совсем рядом с тем местом, где нашла свою погибель моя «десятка».

– Ладно, – перебил я Валеру, – поеду, но с одним условием.

– Проси, что хочешь, – кивнул сосед.

– Сначала завезем тумбочку, а потом вы со мной в одно место съездите, буквально в двух шагах от вашей Локтевки.

– Не вопрос! – закричал Валера. – Пошли!

Я тоже испытал радость. Мне повезло, не придется брать «Мерседес» Норы, я понимаю, что вам это покажется глупым, но за рулем «Лендкрузера» Валеры я чувствую себя совершенно спокойно, а стоит мне усесться на шоферское место в «шестисотом», как ноги словно опутывают толстые веревки.

«Лендкрузер» выглядел дико. Валера купил его примерно год назад, что для машины подобного класса не срок. Большой, роскошный, иссиня-черный, практически новый джип. Тонированные стекла, массивный «кенгурятник», «бриллиантовая оптика», кожаный салон цвета кофе с молоком и... привязанная на крыше ободранная тумбочка, сделанная косоруками советскими мебельщиками году этак в 1960-м, если не раньше.

– Вы уверены, что эту рухлядь стоит тащить родственнику Ангелины Степановны? – осторожно осведомился я, оглядывая то, что постеснялся бы сжечь в печке. – Вещь-то совсем на ладан дышит. Ну зачем она мужику? Ободранная, поцарапанная, и, похоже, одной ножки нет!

– Ты это теще объясни, – хмыкнул Валера, – невменяемая совсем, гундосила неделю: «Тумбочка хорошая, недавно куплена. Еще в семидесятых сказала, ежели выбрасывать соберусь, то лучше брату отдам».

– Ну если еще в семидесятых обязательство было дано, то конечно, – ухмыльнулся я и сел за руль.

До Локтевки мы добрались очень быстро. Я не сноб и никогда не стану ругать вещь лишь потому, что она российского производства. Вот Николетта, та даже не взглянет на отечественное изделие. Я же очень хорошо знаю: «Докторская» колбаса много вкуснее прибывшей из Дании и называющейся по недоразумению «Золотой салями». Опять же не советую вам лакомиться шоколадными конфетами, выпущенными в Турции, купите лучше коробочку отечественных конфет, кстати, очень неплохая вещь – одеяло из чисто овечьей шерсти. Не все наше плохо. Но вот автомобили! Просто удивительно, до чего они допотопные. Хотя не счесть числа людям, которые не променяют «Жигули» ни на что. Вот, например, Шурик, шофер Норы. Хозяйка решила наградить трудолюбивого, безотказного парня и подарить ему на день рождения машину, не слишком дорогую, но новую иномарку. Шурик пришел в ужас, узнав, что Элеонора жаждет презентовать ему «Пежо».

– Ой, лучше «Жигули»! – воскликнул он.

Нора, думая, что хозяйственный, слегка жадноватый Шурик просто экономит ее деньги, обозлилась.

– Чем тебе «Пежо» плох? – сердито стала она выговаривать парню. – Не смей со мной спорить!

– Ладно, ладно, – мигом сдался шофер, – дареному коню в уши не заглядывают.

– Во-первых, не в уши, а в зубы, – процедила Нора, – а во-вторых, изволь объяснить свою позицию.

– В «Пежо» – компьютер, – завздыхал Шурик, – с любой ерундой придется в сервис мотаться. А если на дороге встану, то и не понять, чего делать. Наши же «жигулята» кувалдой починить можно. Нет детальки какой – не беда, проволочкой прикрутим, тук-тук, и машина на ходу!

Нора тяжело вздохнула и купила ему «восьмерку», теперь Шурик абсолютно счастлив. Его колымага регулярно ломается, он приводит ее в чувство посредством молотка, долота и лома, никакие «Мерседесы» парню не нужны. Разве «шестисотый» можно разобрать в гараже, с приятелями, прихлебывая пиво и обсуждая футбольный матч?

Но я не любитель самостоятельно исправлять занедужившие механизмы. На «десятке» езжу лишь потому, что денег на более приличную машину у меня нет. Должен вам сказать, что «Лендкрузер» лучше, чем продукция концерна «ВАЗ», причем намного.

Мощная, полноприводная машина легко справилась с обледеневшим шоссе, пургой и прочей непогодой. До Локтевки мы долетели птицами.

– Вон его ворота, – сообщил Валера, – зеленые, те, что завалились.

Мы вылезли из джипа, и Валера пошел в избу. Я же, чтобы не терять зря время, начал отвязывать тумбочку. Узлы размотались мгновенно, «мебель» накренилась, я испугался, что кособокая развалюха сейчас испортит полировку на крыше, приподнял стонущую от старости конструкцию и, не удержав, уронил. Тумба ахнула вниз и развалилась. Я устоял на кучу деревяшек. Когда-то в детстве отец купил мне набор «Сделай сам». Вот он состоял из таких чурочек, которые следовало склеить вместе и получить шкатулку. Мы с папой пару вечеров пытались и так и этак склепать не желавшие соединяться части, в конце концов отец, обозлившись, выкинул самоделку в мусоропровод. Интересно, что скажет незнакомый мне Николай, когда увидит руины подарка? Может, мне сгонять в Москву, в какой-нибудь мебельный магазин и привезти ему новую тумбочку?

Из ворот вышел Валерий, он выглядел мрачным. Я топтался вокруг бывшей тумбочки, приговаривая:

- Вот, случайно получилось... Мне очень неприятно, я сейчас скатаю...
- Забей, – буркнул Валера.
- Что? – не понял я. – Тумбочка сломалась, видите?
- Плевать на нее, Николай умер.
- Как? – попятился я.
- Как, – выдохнул Валерий, – самогонку они с соседями пили и допились.
- Все скончались? – зачем-то решил уточнить я.
- Нет, только Николай.
- Вот беда!
- Ага, радости мало, надо «Скорую» вызывать.

Валера вытащил мобильный и позвонил. Я снова влез в «Лендкрузер» и постеснялся включить радио: близость покойника нервировала.

Наконец Валера сел в джип.

– Суки, – сказал он с чувством.

– Кто?

– Да врачи! Московская «Скорая» не едет, потому что область, а местная отказывается.

– Почему?

Валера пожал плечами.

– Говорят, машин мало, живым не хватает, а трупы уже все равно, может подождать. Посоветовали во двор вынести, на мороз. Дня через два приедут!

– Но мы же не можем тут столько времени провести! – воскликнул я.

– Ага, – кивнул Валера, – я так им и сказал. Знаешь, чего они велели?

– Откуда же?

– Сами его к нам в морг доставляйте!

Я похолодел. Это еще хуже, чем поездка с навозом!

– Делать-то нечего, – пожал плечами Валера, – не бросать же бедолагу, не по-христиански это! Ладно, ща!

И он вышел из машины. Ничего себе приключение, просто слов нет.

Глава 7

Минут через двадцать Валера вышел из ворот, за ним тащились два парня с опухшими лицами, они несли нечто длинное, закутанное в простыню.

– На заднее сиденье кладите, – велел Валера.

– Не умещается, – прокряхтел парень.

– Тогда сажайте, – не растерялся мой сосед.

– Тяжелый, зараза, – мучились алкоголики, выполняя приказ.

Я вцепился в баранку и дал себе честное слово, что ни за что не оглянусь назад. Слава богу, местная больница и морг при ней оказались рядом, в трех минутах езды от Локтевки. За несколько минут пути я взмок, словно мышь, повстречавшая лунной ночью десяток когтястых котов, и почти лишился сознания от напряжения. Но всему приходит конец, мы наконец очутились перед обшарпанной дверью.

– Пойду погляжу... – начал было Валера.

Я мгновенно выскочил из «Лендкрузера»:

– Давайте вместе.

Мы толкнули тяжелую дверь и вошли в длинный, мрачный коридор.

– Эй! – крикнул Валера. – Есть кто живой?

Его голос прокатился по помещению и замер.

Никакого ответа не последовало.

– Умерли тут все, что ли? – заорал Валера.

Вдруг справа от нас приоткрылась ободранная дверца, и из щели высунулся парень в грязном, некогда белом халате. Лицо санитара покрывала густая щетина.

– Чего орете? – осведомился он, распространяя крепкий запах перегара. – Не в лесу, в больнице. Соображение надо иметь!

Валера молчал, на его щеках играли желваки. Я испугался, что сосед сейчас схватит санитару и начнет трясти его, как бутылку с загустевшим кефиром, поэтому быстро решил разрядить обстановку.

– Видите ли, любезнейший, мы привезли труп, куда его сдать?

Пьянчуга выпучил глаза, икнул и скрылся за дверью. В коридоре воцарилась тишина.

– Ну ща им мало не покажется, – начал наливаясь кровью Валера.

– Вы пока отдохните, – велел я и подтолкнул соседа к ободранной табуретке у стены.

Валера отчего-то меня послушался, а я, толкнув дверь, оказался в довольно просторном помещении. У стола, опершись на локти, сидели три человеческие особи в халатах разной степени замызганности: грязноватый, очень грязный и невероятно грязный. Услышав звук моих шагов, одна особь повернула голову, и я понял, что это женщина.

– Сюда нельзя, – лениво протянула санитарка.

– Куда труп сдать, не подскажете?

– Погодите в коридоре, не видите, обед у людей.

Я вытащил из кармана сто рублей и повторил вопрос:

– Кому тело отдать?

Санитар, сидевший у окна, вскочил, выхватил купюру, помял в пальцах и протянул:

– А пятнадцати рублей у тебя нет?

– Насколько я понимаю, сто целковых больше, чем полтора десятка, – удивился я.

Санитар икнул.

– Бутылка самогонки пятнадцать стоит!

– Ты на сотню не одну купишь, – я попытался вразумить пьянчугу.

Но тот лишь тупо повторял:

– Давай пятнашку.

Поняв, что с ним спорить бессмысленно, я выдал ему «пятнашку». Санитар оживился и приступил к исполнению служебных обязанностей.

– Справка есть?

– Какая?

– О смерти.

– Нет.

– Не возьмем без бумаги.

Я растерялся:

– Кто ее выдает?

– А где труп взяли? – вопросом на вопрос ответила девица, казавшаяся самой трезвой в этой компании.

– Дома.

– И чего он там делал?

– Сначала жил, потом умер.

– Ну и везите по месту прописки, вызывайте «Скорую», пусть документ выписывает, – промямлила девица.

– Но «Скорая» велела его сюда доставить!

– Таперича назад прите! Вдруг вы его убили?

Я ощутил легкое головокружение, потом снова расстегнул портмоне и вытащил тысячу рублей.

– Вот, возьмите, здесь на шестьдесят бутылок, даже больше выйдет.

Девица встала, пошатнулась и пихнула третьего собутыльника, молча смотревшего перед собой остановившимся взглядом.

– Эй, место в холоде есть?

– Ну... бу... му... – ответил тот.

Медсестра доковыляла до боковой двери, пнула ее, я увидел крохотную комнатку.

– Сюда, на топчан, ложьте, – велела она, – полнехонько у нас. Тута пока полежит.

Я вздрогнул, в помещении, очень похожем на чулан, работали три громадные батареи, в углу валялась куча тряпья.

– Может, все же найдем место в рефрижераторе? – вырвалось у меня.

Девица задумчиво поковыряла в носу.

– Он туды не влезет, ну никак. Либо сюда прите, либо домой везите. Альтернативы нет!

Последняя фраза повергла меня в изумление. Вот уж не предполагал, что девица знает такие умные слова, как «альтернатива».

Через некоторое время останки Николая были водружены на кушетку.

Мы с Валерой вышли в коридор.

– Погодьте тута, – велел санитар, – ща талон дадим.

Мы застыли у стены. Разговаривать не хотелось, да и не о чем было.

– Вот ядрена матрена, – не выдержал Валера.

Он явно хотел продолжить свою речь, но тут за дверью послышался дружный вопль, она распахнулась, в коридор вылетели три алконавта в грязных халатах и опрометью, даже не качаясь, понеслись на улицу.

– Что это с ними? – изумился Валера.

– Не знаю, – пробормотал я, – может, пошли в снегу купаться, ну так после бани поступают иногда.

Не успели мы с соседом сообразить, что нам делать дальше, как на пороге возникла еще одна личность, тоже в белом, но не в халате. Человек, пошатывающийся перед нами, был обла-

чен в нечто, более всего напоминавшее тогу римлян. Вид у него был совершенно безумный, очевидно, он не просыхал с Нового года.

– Слышь, ребята, – прохрипел он, – где Петрович? И ваще, я сам где?

Возле меня раздался грохот. Я обернулся – Валера, словно истерическая барышня, обрушился в обморок. Вот тут я перепугался по-настоящему и закричал:

– У вас есть тут нормальные врачи?

«Римлянин» затряс головой:

– В Алтуфьеве Ленка живет, она роды принять может.

Выдав эту информацию, тип в простыне спокойно вышел на улицу.

Я попытался привести Валеру в чувство. Наконец сосед открыл глаза и спросил:

– Он где?

– Кто?

– Николай.

Ощущая себя персонажем пьесы абсурда, я осторожно ответил:

– Мы в морге, Николай на кушетке, в чулане.

– Нет, – простонал Валера, – он ушел.

Я мысленно перекрестился. Похоже, от переживаний психика соседа не выдержала. Ладно, попробую воздействовать на него логикой. Я вошел в комнату, толкнул дверь в каморку и хотел сказать: «Смотрите, вот труп брата вашей тещи», но слова застряли у меня в горле. Колченогий топчан был пуст. В углу чуланчика белела грудa тряпок, сверху на них лежала одна туфелька, вернее, коротенький сапожок, тоже белый, узконосый, довольно элегантный и от этого щемяще незащищенный. Чуть поодаль валялась черная шапочка конической формы. Больше тут не было ничего.

– Э... – пробормотал я, – э...

Но Валера уже обрел способность соображать и двигаться, поэтому он рванул во двор, я последовал за ним и увидел дивную картину. У забора стоит тип в белой тряпице и колотит кулаками по доскам, приговаривая:

– Откройте, это я, Николай.

– Так он жив! – закричал я.

– Выходит, да, – ответил Валера, пытаясь оторвать мужика от забора.

– Кто же сказал, что он умер?

– Димка, гад, – пыхтел сосед, заталкивая плохо соображающего родственника в «Ленд-круизер».

Я попытался трезво оценить ситуацию. Значит, Николай не умер, просто опьянел до невменяемости. Ну, Валера, ну, хорош! Впрочем, и я дурак! Следовало проверить «труп», поднести к его носу зеркальце... Замечательно, что мы не успели уехать и не оставили бедолагу в морге.

– Если кому рассказать, не поверят, – воскликнул Валера, – ладно, везем это чудо назад, в Локтевку.

Я включил было мотор, но тут Николай, вроде бы заснувший, ожил и взвыл:

– Верните мне ботинки.

– Ну еклин! – в сердцах заявил Валера. – Он босиком! Туфли в морге оставил, ща сбегая.

Но мне не хотелось оставаться тет-а-тет с пьяным, полубезумным мужиком, поэтому я быстро сказал:

– Сидите, я принесу обувь.

Возле топчана в чуланчике и впрямь валялись растоптанные, никогда не видевшие крема для обуви опорки. Я брезгливо поморщился, наклонился, и тут мои глаза вновь наткнулись на кучку одежды, сиротливо белевшую в углу: сапожок... шапочка...

Забыв обо всем, я схватил головной убор и завертел его в пальцах. Коническая, сшитая из клиньев шапочка. Точь-в-точь такая лежит сейчас в кабинете у Норы, только белого цвета. Взяв ее, я вернулся в комнату и увидел девицу, возившуюся у шкафа.

– Это чье? – ткнул я в нос алкоголички головной убор.

Та заморгала.

– А чье?

– Кому принадлежит эта вещь?

– Фиг ее знает!

– Она лежала в чулане, в углу.

– А... а, – протянула санитарка, – слышь, ваш труп-то, тю-тю, сбежал. Мы чуть не сдохли, когда...

– Извините, – перебил я ее, – он жив, просто пьян был!

Девушка выпучила затуманенные глаза.

– Ну... того... вы даете, однако!

– Чья это шапочка? – настаивал я.

Она пожала плечами.

– Туда одежду сваливают.

– Какую?

– Ну, всякую, – бестолково объясняла девушка, – к примеру, родственники брать не хотят, грязная очень или с неопознанного кого. Опишут тряпки и в печку, за фигом их хранить, да и негде.

– Можно узнать, кому принадлежали эти вещи? – ткнул я пальцем в грудку тряпья.

Санитарка зашевелила губами:

– Ваще... зачем тебе? Ты кто? Чего пристал? Не пойму никак! Труп привез, а он уходит...

Коли ваша шмутяра, забирай! Мне они все без надобности. Может, другой кто бы и прихватил себе, да я брезгливая сильно!

– Но неужели тут нет компьютера, где вы ведете учет трупов?

Девушка хрюкнула:

– Компьютер, блин! Ну сказанул! Журнал у нас!

– Можно его посмотреть?

– А не положено!

Я вытащил из кошелька очередную купюру.

– Ща приволоку журнальчик, – оживилась девушка.

По тому, как резво она побежала к выходу, я понял, что алкоголь начал отпускать ее. Глядишь, через некоторое время она будет способна адекватно отвечать на вопросы. Я вернулся в чуланчик и, преодолевая брезгливость, поворошил тряпки в углу. Коротенькая плиссированная юбочка белого цвета, блузка с длинным рукавом и воротником-стойкой, украшенная длинной цепочкой «золотых» пуговичек, гольфы и один сапжок. Все легкое, летнее, совершенно непригодное для вьюжного февраля.

Послышался топот, девушка вернулась, неся под мышкой толстую амбарную книгу. Было заметно, что хмель совсем покинул ее.

– Во, глядите, – сообщила она, – вчера мужика привезли из Клотино, удавился он. В четверг бабка померла, нашенская, из больницы, в среду одну из родильного доставили, криминальный аборт. Больше никого! Читайте!

Я побежал глазами по строчкам. Мужчина мне не нужен, старуха тоже ни к чему, вот женщина, решившая в недобрый час сделать подпольный аборт... Но в графе «одежда» напротив ее фамилии значилось: черные брюки, красный пуловер, куртка серая. Белая юбочка с блузкой не имели к бедняжке никакого отношения.

– Попробуйте вспомнить, – взмолился я, – ну когда появилась в чуланчике эта куча тряпок. Вот, возьмите еще денег!

Моя собеседница собрала узенький лобик складками.

– Ну... вчера меня не было, тут другая смена работала. Значитца, в нашенское прошлое дежурство ничего такого не наблюдалось. А утром мы пришли на работу, глянь, валяется. Небось баба Сима оставила.

– Но в журнале нет записи о трупе с такой одеждой!

Санитарка прищурилась.

– Ну, всяко бывает! Может, кто из своих попросил тело пригреть, в избе держать неохота, в сарай выносить стыдно, вот и приволокли сюда. Кто ж соседям откажет?

– И много у вас соседей? – слегка приуныл я.

Девушка пожала плечами.

– Вы с бабой Симой потолкуйте, дайте ей немножко, она все и расскажет. Рядом она живет, в Бубновке, или завтрага сюда являйтесь, ейная смена будет.

Я посмотрел на одежду.

– Можно мне ее забрать?

Санитарка скривилась.

– За фигом она вам?

– Нужна.

– Берите, – милостиво разрешила санитарка.

Я сначала взял ботинки ожившего и отнес их в «Лендкрузер».

– Ну тебя за смертью только посылать, – недовольно сказал Валера и пнул Николая: – Натягивай тапки.

– Мне и так хорошо, – пролаял тот, не открывая глаз.

– Пакета не найдется? – спросил я.

– На, – сосед сунул мне в руки полиэтиленовый мешок. – Эй, ты куда?

– Сейчас вернусь, – пообещал я и пошел за одеждой.

Когда мы прибыли в Локтевку, Николай выпал из «Лендкрузера» и пошел босиком по снегу, отвратительно воняющие ботинки он забыл в джипе.

– Ведь простудится насмерть, – забеспокоился я.

– Чего ему сделается, – не выказал никакого волнения Валера, – проспиртовался насквозь.

– И как он только холода не чувствует!

Валера засмеялся:

– Ты, Иван Павлович, человек непьющий, вот и не знаешь, что под кайфом все ощущения исчезают.

Внезапно я сообразил, почему Ирина, оказавшись холодным февральским вечером за городом, на шоссе, шла без верхней одежды. Девушка, наверное, была пьяна или находилась под воздействием наркотика.

К месту аварии мы прибыли уже в темноте, и я понял, что начинать поиски бесполезно. Вокруг мрачнел лес. Что ж, придется возвращаться сюда завтра утром.

Едва я открыл дверь квартиры, как в нос ударил аромат свежее испеченных пирожков. Не знаю, как у вас, а у меня этот запах вызывает всегда одно и то же воспоминание. Седьмое ноября, время подкатывает к полудню. Несмотря на ранний час, маменька уже на ногах, из включенного телевизора льются веселые песни, изредка заглушаемые громовыми криками «ура». Голубой экран ведет трансляцию из разных городов СССР, корреспонденты рассказывают, как простые люди с невероятным энтузиазмом встречают очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Потом появляется отец в компании веселых

приятелей, они ходили от Союза писателей на демонстрацию и замерзли, аки степные волки. Нюша вносит в гостиную пироги, на столе посверкивают графины. Радостное предвкушение праздника, светлое воспоминание детства, сладкое ощущение счастья...

У Норы в квартире никогда до сего дня не пахло пирогами. Ленка ничего не пекла. Я повесил пакет с одеждой на вешалку. Неужели я забыл о каком-то празднике? На дворе февраль, вроде ничем не примечательный месяц. Дня рождения ни у кого нет...

Не успел я расстегнуть пальто, как из кухни вынырнула Муся и бросилась со всех ног ко мне. В один миг домработница сняла с меня верхнюю одежду и подтолкнула к пуфику. Я, не ожидавший тычка, обрушился на него. Муся мгновенно стащила с меня сапоги и надела тапки. Честно говоря, я слегка растерялся. До сих пор женщины никогда не заботились обо мне с подобной страстью, даже неудобно, право слово.

– Вы ступайте руки помойте, – предложила Муся, – коли с улицы пришли, завсегда в ванную сначала зайтить надо. Еду сейчас подам.

В легком обалдении я проследовал в санузел и замер на пороге. Ванная сияла чистотой. Чьи-то трудолюбивые руки отскребли все до блеска. Справедливости ради следует отметить, что грязи тут не было никогда, Ленка худо-бедно шлепала тряпкой по плитке, но такой сверкающей чистоты не было и в помине. В мыльнице лежал непочатый кусок, от полотенец веяло фиалками. Сюрприз ожидал меня и в гостиной. Муся принесла чайник, и я обнаружил, что чай заварен именно так, как я люблю: не крепко, но и не жидко, он горячий, но не обжигающий и не перестоявший, нет никакого намека на горечь. Самое же сильное впечатление на меня произвели пирожки, горкой лежавшие на блюде.

– Это с капустой, те с мясом, вон те с грибами, рядом – с яблоками, – перечислила Муся.

Я взял сначала с мясом. Слов нет, чтобы описать вам это неземное кушанье. Воздушное тесто, телятина, перемешанная с жареным луком... Я проглотил штук восемь и остановился, когда понял, что сейчас попросту лопну. Нужно пойти к Норе и отчитаться, как прошел день, но сил моих хватило лишь на то, чтобы добраться до постели и рухнуть в нее. Последнее, что машинально отметил мой засыпающий мозг, это невероятный порядок в моей спальне.

Глава 8

Проснулся я от звуков, больше всего напоминающих визг циркулярной пилы. Я не могу спать в духоте, поэтому всегда, даже зимой, оставляю балконную дверь приоткрытой, и сейчас в щель неся то ли вой, то ли плач, громкий, заунывно-надрывный. Часы показывали ровно семь. Чувствуя себя совершенно выспавшимся, я вышел на лоджию и глянул вниз. Перед глазами возникло inferнальное зрелище. «Лендкрузер» Валеры странно подскакивал, тряся и выл. При этом он отчего-то был покрыт разноцветными шевелящимися пятнами. Я без всяких колебаний бросился звонить в дверь к соседу. Выглянула зевающая Надя, поленившаяся накинуть на прозрачную ночную сорочку халат.

– Чего вам? – довольно грубо осведомилась она.

Я деликатно отвел глаза в сторону, чтобы не рассматривать ее аппетитно высокую грудь, и сказал:

– Ваш джип угнать хотят, сигнализация вовсю кричит.

– Валера, – завопила Надя, захлопывая перед моим носом дверь, – говорила тебе, спрячь джипешник в гараж...

Я вернулся к себе и снова вышел на лоджию. Через пару мгновений во двор в спортивных штанах и майке вылетел сосед. В руках он сжимал револьвер.

– Стоять, гады! – вопил он.

На секунду разноцветные пятна замерли, потом брызгами разлетелись в разные стороны. Это оказались дворовые кошки, штук пятьдесят, не меньше.

– Дряни, – орал Валера, – сволочи!

Слегка успокоенный, я вернулся в спальню. Огляделся, открыл шкаф. Вот это порядок! Потом мысли вернулись к казусу с джипом. Слава богу, это не угонщики. Но с какой стати все коты района бросились к «Лендкрузеру» Валеры?

На завтрак нам с Норой подали суфле с сыром, горячие круассаны, фаршированные яйца...

Я съел все и стек на стуле. Нора, тоже жевавшая без остановки, покачала головой:

– Этот Орест Михайлович кудесник! Такое объедение!

– А Муся великолепно гладит рубашки, – воскликнул я, – ни одной складки! Еще она перестирала все мои вещи, вычистила и привела в порядок комнату.

Минут пять мы с Норой пели осанну прислуге, потом хозяйка осеклась и сердито спросила:

– Знаешь, что надо сделать, дабы стать счастливым?

– Нет, – покачал я головой.

– Сначала нужно завести в квартире козу, а потом от нее избавиться, – ухмыльнулась Нора, – вроде все останется по-прежнему, но без козы ты ощутишь полнейший комфорт. Наша коза – Ленка. Ладно, рассказывай.

Я изложил все факты и принес пакет с одеждой. Нора принялась внимательно изучать шмотки. Сначала она взяла шапочку.

– Точь-в-точь как белая, ни малейшей разницы, просто цвет другой. Теперь поглядим на юбочку.

Я молча слушал хозяйку, а та вертела в руках плиссированную юбку.

– На очень молодую женщину шито! Или для подростка, на карнавал, что вероятнее всего.

– Почему вы так решили? – заинтересовался я.

– Ну, во-первых, длина. Супер-мини. Таковую носят лишь совсем юные особы. А потом, материал дешевый, копеечный, эта вещь выдержит лишь одну стирку.

– Не скажите, – решил я поспорить с Норой, – на днях по телевизору я видел певицу. Сначала я решил, что она в коротких шортах, но потом сообразил: широкий пояс на ее талии – юбка. Между прочим, той певичке к сорока подкатывает!

– Ваня, – оборвала меня Нора, – давай забудем про шоу-бизнес! И обхват талии у юбочки крошечный. Теперь кофточка.

Я покосился на сигареты. Нора смолит в квартире, причем курит она только «Беломор». Для меня остается загадкой: где хозяйка берет эту отраву? Но я стесняюсь дымить при Элеоноре, всегда выхожу с куревом на балкон.

– Не идиотничай, – вдруг буркнула Нора, – пепельница на столе.

Я встал, вынул из кармана пачку сигарет, щелкнул зажигалкой... Иногда мне кажется, что Нора телепат, ну каким образом она догадалась о моем желании покурить?

– Ваня! – с возмущением воскликнула хозяйка. – Нет, как ты мог!

– Вы же сами разрешили мне закурить, – быстро ответил я.

– Да не об этом речь! Как ты мог ничего не заметить?!

Я осмотрел белую блузочку.

– Ну, кофта с пуговицами маленького размера.

– Смотри внимательней!

– Больше ничего примечательного в ней нет!

– Нет, ты безглазый!

Я обиделся.

Нора повернула ко мне блузку спинкой.

– А это что?

Я прищурился. Иногда моя хозяйка бывает несправедлива. Ведь она показывала мне переднюю часть, а сама заметила что-то примечательное на спинке.

– Ваня!

– Похоже на пятнышко, – предположил я.

– А ну возьми в руки!

Я взял и увидел крохотную дырочку.

Нора бросила кофту на стол.

– Так, здесь у нее, наверное, были лопатки, чуть ниже левой, пальца на два... Метили в сердце.

Я непонимающе уставился на Нору.

– Никак не сообразишь? – прищурилась она. – Ох, Ваня, говорила тебе сто раз, не пей по утрам тормозную жидкость! Это след от пули. Хозяйку белого наряда пристрелили, отвезли в морг, а одежду бросили, ясно?

Я с недоверием покосился на блузку.

– Вы ошибаетесь, крови совсем нет, рубашка чистая.

Нора поморщилась.

– Это только в сериале «Бандитский Петербург» из убитого человека начинает бить фонтан ярко-алого цвета. В жизни бывает и так, что пуля застряла в теле, а рана оказалась «чистой».

– Но эта одежда выглядит постиранной...

– Нет!!!

– Но...

– Ваня, – нахмурилась Нора, – берешь ноги в руки и едешь назад в морг, находишь бабку по имени Сима и вытряхиваешь из нее все! Далее по плану: осмотр места аварии, визит в институт УПИ. Ясно?

– Более чем, – выдавил я из себя и пошлепал в прихожую.

Здесь меня ждал новый сюрприз. Во-первых, мои сапоги были идеально начищены, пальто отглажено, во-вторых, стоило мне приблизиться к вешалке, как из кухни раздался топот, и грузная Муся прирысила к входной двери. Не успел я вымолвить и слова, как домработница, усадив меня на пуфик, принялась натаскивать на меня обувь.

– Сам обуюсь, – я попытался оказать сопротивление.

Муся подняла огорченное лицо.

– Не угодила вам? Нерасторопная я!

– Нет, нет, все чудесно, просто...

Но повеселевшая Муся не дала мне вымолвить и словечка.

– Накидывайте пальтишко, – засуетилась она, – ща щеточкой по плечикам пройду. Дайте пуговички застегну, теперь шапочку.

– Я ее не ношу!

– Как же! – всплеснула руками Муся. – Февраль метет! Эдак менингит заработать можно!

– Я езжу в машине, понимаете? Внутри работает печка.

– Так до колес еще дойти надо, – не дрогнула Муся и водрузила на мою макушку жуткую ушанку из норки, подаренную мне на Новый год Аллой Резниковой.

Я рванул к двери, но был остановлен железной рукой Муси.

– А шарфик?

– Он мне не нужен!

– Нельзя без шарфика, – покачала она головой, – зима стоит, еще перчатки прихватите. Счастливой дороги, будьте аккуратны, храни вас Господь в пути!

Вспотевший в слишком теплой одежде, я был доведен ею до лифта. Когда двери начали закрываться, Муся озабоченно воскликнула:

– Иван Павлович, я вам во все кармашки по чистому носовому платочку пихнула, а то у вас только один был, несвежий уже.

Не приученный к такой заботе, я вышел на улицу и сделал то, чего не совершал с самого детства. Стащил с головы шапку, с шеи шарф, а с рук перчатки. Я с трудом переносу жару, предпочту лучше замерзнуть, чем вспотеть. Когда няня заматывала у меня на шею шарф и отправляла в школу, я, завернув за угол родного дома, мигом избавлялся от него. Впрочем, вот уже много лет никого не волнует, обул ли Иван Павлович теплые ботинки.

Ветер растрепал мои волосы. Я пошел к гаражу и по дороге столкнулся с Валерой, который, насвистывая, оглядывал свой «Лендкрузер».

– Ничего не замечаешь? – спросил меня сосед.

– Вроде нет, а что случилось?

– Кошки, заразы, облюбовали машину, всю уделали снаружи, – скривился Валера, – что их сюда притянуло! Утром рано спихнул кошаков, лег спать, а они, дряни, снова тут как тут. Вышел во двор, мама родная! На крыше, на капоте, повсюду расселись и орут, как земснаряд. В чем дело? Ума не приложу!

И он начал расхаживать вокруг машины, недоуменно покачивая головой. Я спустился в гараж, на мой взгляд, ничего странного в этой ситуации нет. Кошки хитрые создания, им просто не хочется сидеть на ледяной земле, вот и избрали «Лендкрузер» в качестве дивана.

До деревенской больницы я добрался относительно быстро, хотя ехал на «Мерседесе» Норы медленней, чем на джипе Валеры. Коридор морга вновь оказался пуст. Я толкнул знакомую дверь и приготовился увидеть новую компанию, весело проводящую служебное время. Но за столом сидела лишь одна старуха в довольно чистом халате, трезвая и очень неприветливая.

– Вы баба Сима? – заулыбался я.

– Ну...

– Здравствуйте.

– Чаво надоть?

- Видите ли...
- Говори живей!
- Тут вчера одежда лежала... белая юбочка, кофточка, один сапог...
- Твоя, что ль?
- Нет, нет, но...
- А коли не твоя, так о чем толковать?
- О том и речь, – воскликнул я, – подскажите мне, кому она принадлежит.
- Одежа?
- Да.
- Чья?
- Та, что лежала в чулане.
- Тама нет ничего.
- Правильно, но вчера была.
- Вчера же не я работала.
- Знаю, но юбка с кофтой появились в ваше прежнее дежурство!
- Не помню!

Чтобы освежить бабкину память, я выудил портмоне. Помяв в руках сторублевку, санитарка сменила гнев на милость.

– Ничем тебе не помогу. Не знаю, с кого одежонка. Ушла я корпус мыть, вернулась – она лежит. Я ее не тронула. Это Зинкин доход.

– Что? – не понял я.

Баба Сима засмеялась:

– Со мной в одну смену Зинка работает, санитарка, она с одежды живет.

– Каким образом?

– Ну отдадут ей родственники с покойника шмотки, она их выстирает, отгладит и на рынке продаст, если вид имеют, а если рваные совсем, порченные, тогда за копейки отдаст.

– Неужели люди покупают неизвестно кем ношенные тряпки? – изумился я. – Ни за что бы не польстился на такие.

Баба Сима ощупала меня с головы до ног блеклыми глазками.

– Еще как берут! В деревнях многодетных полно! Спиногрызов нечего в хорошее одевать, вмиг уделают. Вот свадьбу сыграют, и пусть сами об одеже думают. Ступай к Зинке, она одна шмотками занимается, я брезговаю.

Не успел я раскрыть рот, как бабка заколотила по батарее палкой.

– Ща Зинка придет, – пообещала она.

И действительно, не прошло пары минут, как в комнату боком вошла женщина неопределенного возраста. Серые сальные волосы, бледное лицо, сизые губы, нос картошкой, бровей практически нет, глаза непонятного оттенка, похожие на потухшие, пыльные фонарики. Зина была болезненно худой, длинный халат болтался на ней, как мешок на лыжной палке.

– Звали? – робко обратилась она к старухе.

– С энтим потолкуй, – велела баба Сима, – только сначала денежку с него возьми. Пока не заплатит, не болтай.

Проинструктировав Зину, баба Сима подхватила эмалированное ведро и ушла. Мы остались вдвоем. Я открыл кошелек, добыл очередные сто рублей и сунул их в узкую ладошку санитарки.

– Вам покойника причесать? – тихо осведомилась Зина. – Я могу и накрасить, только вашим гримом, своего не имею.

– Зина, – строго спросил я, – вы торгуете одеждой умерших людей?

Санитарка опустила на стул.

– Ничего плохое я не делаю, беру лишь то, что люди дают. Я не воровка. Им не нужно, а мне в самый раз, зарплата же копеечная.

– Я совершенно не осуждаю вас, – улынулся я, – каждый хочет выжить. Вы мне скажите, тут в чуланчике валялась одежонка: белая юбочка, кофточка, сапог... Это чье?

Зина пожала плечами:

– Не знаю.

Я выудил еще одну ассигнацию.

– А если подумать?

Санитарка тяжело вздохнула:

– Мне такую не давали. Сама удивилась, когда ее увидела. Но раз она чужая – не тронула, оставила лежать.

– Она с утра валялась?

Зина помолчала и шепнула:

– Нет.

– А когда появилась?

– Не знаю. Я в чулан весь день не заглядывала, вечером решила на топчанчик прилечь, глядь... лежит!

Ее глаза смотрели честно, но в голосе прозвучала некоторая натянутость, и я воскликнул:

– Зина, только не обманывайте меня, дело слишком серьезно!

Лицо санитарки слегка порозовело.

– Так ей-богу...

– Зина!!! Вы стирали кофту! Почему?

Женщина стала красной, ее рот по-детски открылся, и она спросила:

– А вы откуда узнали?

– Немедленно отвечайте, где раздобыли одежду! – рявкнул я. – Иначе придется давать показания в милиции, а там с вами по-другому побеседуют.

– Да, да, – суетливо затрясла головой Зина, – я все расскажу, только не бейте!

– Никто вас и пальцем не тронет, выкладывайте!

– Так одежда в мешке валялась, велели его в контейнер бросить, а я увидела и прихватила, – зачастила Зина, – им же без надобности, а мне хороша. Не крада я, сами сунули, Настасья Михайловна попросила, там хорошо платят, много. А мне че? Трудно? Вовсе нет. Чего не помочь, коли столько дали! Пятьсот рублей! Ну я и сбегла с работы, никто и не заметил!

Я не понял ничего из ее слов, расстегнул пальто, потом снял его, сел на стул и приказал:

– Теперь спокойно, по порядку излагайте цепь событий. Кто вам дал? Что? Кем вы приходите этой Настасье Михайловне? Если сейчас внятно все объясните, получите тысячу, вот она!

Зина охнула:

– Тысячу? Целую? Мне?

– Вам, при условии, что я пойму, о чем речь.

– Сейчас, сейчас, слушайте, – начала Зина, – по порядку от печки начну.

Я постарался вникнуть в ее не слишком связную речь. И через некоторое время сообразил, что к чему.

Зина живет в деревеньке Нистратово, питается с огорода, имеет тяжелобольную мать и не отказывается ни от какой работы. Но образования у Зины нет, поэтому бегать ей всю жизнь с ведром и тряпкой за копейки.

Пару лет назад на окраине Нистратова вырос небольшой коттеджный поселок, вернее, всего три дома, обнесенные глухим высоким забором. Нистратовцы на все лады крыли богатеев. Тяжелые машины, груженные кирпичом и блоками, разворотили дорогу. А когда мест-

ные мужики решили ночью сходить на стройку пожить, их встретила охрана, без долгих колебаний повышибавшая горе-разбойникам зубы.

Но через год дорогу починили, залили асфальтом, в дома потянулись фуры с мебелью, и нистратовские бабы обрадовались. Ну не станут же денежные мешки сами стирать, гладить и носиться по этажам с пылесосами, ясное дело, захотят прислугу нанять. В Нистратове даже заспорили, как брать жалованье: в рублях или в долларах. Но время шло, а никто не обращался в деревню за поиском полумоек. Тогда самая бойкая из женщин, Катя Ершова, сама пошла в поселок.

Вернулась она мрачнее тучи и сообщила соседкам:

– У ворот будка стоит, в ней два охранника, чистые звери с виду.

Секьюрити не пустили Катюху во двор.

– Ступай себе, – велели они, – у хозяев полно прислуги. Кто же вас, лапотных, в такой дом возьмет. Переколотите дорогую посуду, мебель поцарапаете. У нас горничные выученные, по-английски разговаривают, не чета вам.

Глава 9

Зина была, наверное, единственной бабой в Нистратове, которая совершенно не надеялась попасть на работу к богатым людям. Понимала, что те, кто платит большие деньги, хотят видеть на своей кухне человека, который умеет готовить что-то необыкновенное, а не простые щи, да и убирать дворец надо, наверное, не так, как мыли свои избы-развалюхи деревенские бабы. Но именно Зине в конце концов повезло.

Как-то раз она пришла в местный магазинчик, купила банку рыбных консервов и стала отсчитывать железные рубли. Продавщица Нинка недовольно заворчала:

– На паперти, что ль, стояла? Где вы только эту дрянь берете? Понасобирали копеек, мне, между прочим, все потом в банк сдавать.

Зина, втянув голову в плечи, мусолила мелочь. Зная противный характер Нинки, она испугалась, что та откажется брать монеты. Руки у Зины затряслись, рубли раскатились по полу, она бросилась их подбирать, и тут в сельпо вошла шикарно одетая дама. На ней была шубка из натурального меха, роскошные кожаные сапоги, в руках незнакомка держала красивую, явно дорогую сумку. В воздухе разлился аромат французских духов.

– Хлеб свежий? – резко спросила женщина. – Он московский, надеюсь?

Нинка, только что презрительно морщившаяся при виде Зины, опрометью бросилась к полке, где лежали батоны.

– Не сомневайтесь, – зачастила она, – с хлебозаводу час назад привезли.

Когда дама, купив сайку, ушла, Зинка спросила:

– Кто ж это такая?

– А из коттеджей, – ответила Нинка, – иногда за хлебом приходит, забывает в Москве купить и сюда идет, не хочет, чтоб хозяева ругались.

– Чьи хозяева? – не поняла Зина.

Нинка хмыкнула:

– Этой куклы разодетой. Ты думаешь, она кто?

– Ну, – затруднилась с ответом Зина, – не знаю... Хозяйка, вон в какой шубе ходит!

– Простота наивная, – захихикала Нинка, – она твоя товарка.

– Почему?

– Да потому, что тоже полы моет, – окончательно развеселилась Нинка, – домработницей служит, ясно?

Зина вышла на улицу в легком обалдении. Поломойка, а так одета! Сколько же она получает? Ясно, что не пятьсот рублей в месяц, как Зина! Везет же некоторым, а тут в кармане последняя десятка, не на что матери купить лекарство.

Вздыхая, Зина шла по дороге и вдруг увидела в снегу кошелек, красивый, кожаный, дорогой. Зиночка подняла его, раскрыла и ахнула. Все три отделения были набиты деньгами: российскими рублями и американскими долларами. Зина сразу поняла, кто потерял состояние: баба в шубе. В их деревне никто не владел такими сокровищами, а если даже и была у местных богачеев подобная сумма, то ходить с ней по улицам они не станут, спрячут в избе или сарае от беды подальше.

Ноги понесли Зину к коттеджам. Она показала охранникам находку, те, покачав головами, велели ей подождать, и спустя пару минут перед Зиной вновь оказалась дама в мехах.

Оглядев оробевшую селянку, она демонстративно пересчитала бумажки и с легким недоумением констатировала:

– Все на месте, до копейки.

Затем экономка вытащила пятьсот рублей и сунула их Зине:

– Бери.

– Спасибо, – пробормотала та, – дай вам Бог здоровья.

Потом, решив, что приключение закончилось, Зина повернулась, хотела было уйти, но ее остановил окрик:

– Ступай со мной.

Женщина привела ее в роскошно обставленную кухню и устроила ей форменный допрос. Зина покорно отвечала на вопросы. Работает в больнице, мужа и детей не имеет, ухаживает за парализованной мамой... В конце концов лицо дамы посветлело, и она заявила:

– Меня зовут Анастасия Михайловна. Станешь приходить сюда каждый день, в девять вечера.

Зина кивнула.

– Надеюсь, – продолжала Анастасия Михайловна, – никому ни о чем не будешь рассказывать!

Вот так Зина оказалась при новой службе. Хозяев она никогда не видела, внутрь дома ее не пустили ни разу. Анастасия Михайловна давала ей работу лишь на кухне: почистить серебро, вымыть тамбур и лестницу черного хода, надраить санузел, расположенный возле кухни, протереть в ней окна и подоконники. Раз в неделю приходилось вынимать из всех шкафов посуду, полировать полки и запихивать кастрюли назад. Нудная, тягомотная работа, частенько Зина орудовала до полуночи. Но она была счастлива. Каждый раз после того, как она заканчивала уборку, Анастасия Михайловна давала ей сто рублей, громадные деньги за такую ерунду. В больнице Зина за куда меньшую сумму должна была пахать намного больше. Впрочем, потом в коттедже ей начали платить сто двадцать рублей. К хозяевам частенько прибывали гости, и Зина находила на заднем крылечке пакеты, набитые бутылками, коробками из-под тортов, конфет и всяческих деликатесов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.